

Диана Кан

*Звёзды
окликаемая*

Стихи

Русское эхо
2015

Марина Струкова

СТИХИЯ ПРЕВРАЩАЕТСЯ В СТИХИ

О поэзии Дианы Кан

Что связывает с Родиной? Вера, близкие люди, свой дом и клочок земли. Без этих личностных связей Родина становится для человека абстракцией, набором лозунгов, звенящих в пустоте, территории в кайме границ. Поэзия Дианы Кан наполнена живыми связями с народом и государством Российским. Развал Советского Союза, отъезд из Средней Азии — всё это были потери того пространства, которое человек осознаёт как взрастившее, сформировавшее его как личность.

Она начала писать стихи, ностальгируя по Востоку, анализируя постепенное осознание себя поэтессой степного, казачьего края России.

*На Родину, которая до срока
Сказала мне: «Вот Бог, а вот — порог!..»
На Родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног...*

Мы наблюдаем обновление самоидентификации поэтессы, слышим её слова: «...наш народ, наш казачий народ» — а ведь мог быть и иной выбор: Диана Кан продолжала бы воспевать Восток. «Я черпаю вдохновение в своем азиатском детстве. Когда мне плохо, вспоминаю наш двор, огромную луну и согдианские — почти экваториальные! — огромные звёзды, деревья с их буйной листвой на фоне ста-

*Автор благодарит
Коммунистическую партию России
за финансовую помощь в издании этой книги
и лично Геннадия Андреевича Зюганова,
Валентина Степановича Романова
и Алексея Владимировича Лескина.
Также выражаю благодарность
Андрею Викторовичу Иванову.*

Кан Д.Е.

К 19 Звёзды окликают: Стихи. — Самара: Русское эхо, 2015. — 240 с. с ил.

ISBN 978-5-9905721-3-3

В книгу известной русской поэтессы Дианы Кан вошли стихотворения, написанные в последние годы, а также эссе о творчестве Дианы Кан ведущих писателей России, членов Союза писателей России Вячеслава Лютого (Воронеж), Марины Струковой (Москва).

ISBN 978-5-9905721-3-3

© Кан Д.Е., 2015.
© Русское эхо, 2015.

ринной заброшенной православной церкви, что стояла возле нашего дома. Я очень любила приходить туда, подолгу стояла под куполом. Там была совершенно особая атмосфера, я явственно слышала там музыку. И когда я пишу стихотворение, начинаю слышать эту музыку...» Восточное начало было осмыслено, озвучено и преодолено. Азиатское принесено в жертву славянскому:

*О, Согдиана, родина моя!
Я руку протяну, а ты отпрянешь.
И острое дамасского копья,
Обороняясь, в грудь мою направишь.
Но не спасёт усталый бог огня
Тебя, коль в нём ещё остался разум,
Ни от стихов моих, ни от меня,
Ни от моих потомков сероглазых.*

Но оно было и осталось в основе первых песенных прозрений и восторгов, порой окликающая душу поэта.

*Пятый день я сама не своя.
Пятый день дует ветер с востока.
И шумят за окном тополя,
И плоды наливаются соком.
И щемлящая жалость, и грусть
К тем, когда-то покинутым, людям...
И надежда на то, что вернусь!
И уверенность: встречи не будет...*

Евразийство, модное ныне, для Дианы естественно. И, на мой взгляд, ранние стихи, где сильнее память о Востоке, — наиболее страстные и прочувствованные автором. Не могу не процитировать полностью один из лучших её текстов:

*Мне в грудь вошла парфянская стрела
И в полнолуние розой расцвела.
И заплошный майский соловей
Запел над розой о любви моей.
Плачь, безутешный соловей, в ночи!
Всей кровью заклинаю: «Не молчи!»*

*Пусть пламенеет роза, чуть дыша,
В груди, как рана алая, свежа.
Плачь о стране, погубленной дотла,
Которую сберечь я не смогла.
И рану раскалённую в груди
Крылами хоть немного остуди.
Стрела врагов, отравленная тьмой,
Ты зацвела на сердце, как привой.
Пускай вдыхает гордый Митридат
Любви моей смертельный аромат.
Пока цветёт стрела в груди моей,
Плачь обо мне, согдийский соловей!*

Соловей согдийский, стрела парфянская, но страна, о которой плач, читателем воспринимается как Россия. Решающую роль в этом выборе главной поэтической темы, думается, сыграло православное вероисповедание:

*С тобой не страшно на костёр и в прорубь...
Ты — СЛОВО, возводящее на крест, —
Две тыщи лет сквозь мрак летящий голубь
Или врага разящий Божий перст?*

Но восточное уступило, на мой взгляд, не просто всеобщей русскости, а казачеству, этой нации-касте наших степных кшатриев. Казачья тема в российской поэзии представлена нешироко. Есть только несколько поэтов, которых можно назвать казачьими. Тем интереснее видение казачества Дианой Кан. В её стихах разбросано много примет небезразличия к своим казачьим истокам вопреки «неказачьему имени» — поверье про праматерь яицких казаков бабушку Гугниху, за которую те всегда пьют первый тост. Воспоминание о Табынской иконе Божьей матери, унесённой в изгнание казаками атамана Дутова, «казацкая фуражка», «есаульская шашка», «казачья вольная степь», образы героев, готовых защищать рубежи: «Покидаю родительский дом, / Мать родную, жену молодую... / Раздели со мной, батюшка-Дон, / Закордонную чару хмельную!» «Тогда хоть ты, чужда добру и злу, / Луна (сиречь античная Диана), Взойди на небо, разгоняя мглу, /

Казачьим волчьим солнцем окаянным!» И, конечно, мне запомнилось: «Глядит с портрета — плакать не велит! — / Мой дед-казак Андрей Степаныч Струков»... Диане близки характеры мятежные, разгульные. Лихие витязи и удалые разбойнички, ищущие правду с оружием в руках, а не благонамеренные осторожные обыватели.

Жительница раздольного степного края, она уловила вольный дух русского порубежья, древней Засечной черты, где привычна опасность и готовность отразить её, где и сам народ порой восставал против ига власти. И пусть прежние угрозы ушли в былое, появились иные, более изощрённые. Идёт война духовная...

*...От Стеньки до Емельки Пугачёва
В разбойных песнях грусть-тоску беречь...
Да не осудит таковое слово
Принесиши нам с небес не мир, но меч!
Среди спалённых удалью раздолий
Промеж идущих с тесаками в ночь
Презрен, кто не до пугачёвской воли,
А лишь до кладов Разина охоч!*

Время личное и время историческое перекликаются и вновь расходятся в стихах Дианы Кан. Она внимательна к его приметам. Тема уходящей юности, тема перемен в обществе. Что может успеть совершить человек за свою жизнь, что зависит от него в период присутствия на этой земле и в этом государстве? Диана требовательна к себе и к людям, она провоцирует, вызывает читателя из марева апатии, требует честной оценки реалий. Это поэзия действия — резкого жеста, решительного шага, настоящего дела, которыми выражаются любовь или неприязнь:

*Стою, озирая родные просторы,
И с Богом беседу веду:
— О, дай же мне, Господи, точку опоры —
Что перевернуть, я найду!*

В дышащих жизнью, схватывающих перемены настроений и обстановки стихах Дианы много странствий, коче-

вий. Импульс, который задаёт развитие сюжета, — зачастую встреча или разлука: лирическая героиня приходит к реке, возвращается в город или покидает его, видится с близким человеком, и переживания этой встречи или расставани, открывают её внутренний мир, отношение к окружающим людям и явлениям.

*Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взащей.
Я не пришлая, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад,
Свои ставни захлопнувший глухо,
Оренбургский угрюмый форштадт?..
И ты называешь всё это судьбой,
Мой город степной на польнном просторе,
Что каждое наше свиданье с тобой —
Мой новый побег от тебя и не боле?..
Не слишком ли быстро, однако, бегу?..
А вдруг ты однажды меня не догонишь —
На льду оскользнёшься, увязнешь в снегу,
Пургой захлебнёшься, бураном застонешь?..*

Глубокая эмоциональная окраска произведений передаёт тревогу и боль за Родину, чуткое отношение к любимому, восхищение изменчивой красотой мира. Как насыщено сиянием осени это четверостишие:

*Прощальный венок с безотчётной любовью
Дарю тебе, сняв со своей головы, —
Подёрнутый охрой, забрызганный кровью
И тронутый золотом поздней листвы.*

У Дианы много изысканных сравнений и образов: и живого дыхания крещенская роза, и льняная вьюга, которую можно, как оренбургский платок, протянуть через кольцо, и ледяная империя русских просторов. Ну разве не доставляет читателю эстетическое наслаждение такая картина:

*Здесь сугробы, как волны Босфора,
и кровавая в небе луна.
И ознобным восторгом простора
оренбургская полночь полна.
Закипают лазурные слёзы
на глазах, устремлённых к луне.
И цветут белоснежные розы
на моем индевелом окне.*

Банальная рифма «розы — слёзы» вдруг возвращает себе свежее снежное звучание, словно была найдена впервые. Поэт, чуткий к слову, может так подобрать образы и созвучия, что будет всё как внове. «Зимние» стихи Дианы особенно богаты такими жемчужинами:

*Да, это мы, стрибожьи внуки-ветры,
вернувшиеся из гиперборей,
впитавшие шальные километры,
медвежий рёв арктических морей.*

Какая мощь, шум волн и грохот прибоя подступают от чередования букв «ш», «г», «р» и прорываются в последней строке, являя нам ледяную стихию! Зимняя тема в поэзии Дианы Кан ещё ждёт своих исследователей-критиков. Как и переключка её стихов со стихами мужа — Евгения Семичева, диалог двух поэтов, где и страсть, и спор, и ревность, рознь и единство двух ярких индивидуальностей — целая гамма сложных чувств.

Для поэта его имя и фамилия зачастую становятся поводом для расшифровки собственного характера, судьбы. Помните цветаевское: «...мне имя — Марина, / я брэнная пена морская... Сквозь каждое сердце, / сквозь каждые сети / Пробьётся моё своеволие». И своему имени поэтесса объяснимо уделила внимание: Диана — богиня Луны, богиня трёх дорог — это имя толковалось как знак тройной власти: на небе, на земле и под землёй.

Загадочное:

*Я, пустившая по миру имя,
Многоликой подобна луне...*

Сетующее:

*...Печальная луна —
Дианочка-Диана,
замужняя жена.
Нам, человечьим жёнам,
Господь наш попустил
Быть светом отражённым
Неласковых светил...*

Вызывающее:

*Строптивая, как правда, поэтесса,
Которую зовут Диана Кан.*

Задумчивое:

*Он всё твердит: «Вы нынче, ну и ну,
Похожи на озябшую луну
с полотен несравненного Россо...*

Философское:

*Отрепшённый зов луны-Дианы
Пересилил солнечный привет?..*

Соответствует это имя и Артемиде-охотнице. В римских провинциях под именем Дианы почитали местных духов — «хозяек леса». И странствия, и одушевленная природа присутствует в её поэзии, словно эхо этих древних значений:

*По камням, по стерне и по болотинам,
По угольям изошедших светом звёзд
Неужели это мною было пройдено
Тьмы и тьмы непроходимых русских вёрст?
Мимо тучных заливных лугов некошенных,
Мимо вскачь и вдаль несущихся веков...
Неужели это мною было сношено
Ажно десять пар несносных башимаков?*

Корейская фамилия тоже зазвучала символично, открыв своё значение:

*Испив из речки, восклицали: «Кан!..» —
Что означало «кровь» на их наречье.*

*И каплей крови прорастал тюльпан —
Свидетель евразийской страшной сечи.
А рядом, скорбной розни вопреки,
Проклятой розни — тюркской и славянской,
На берегу сибирской Кан-реки
Рос в небо город, наречённый Канском.*

В каждом уголке мира свои мифы и свои песни. Степь, пустыня, горы, мегаполисы и селенья — эгрегоры этих мест влияют на авторов независимо от того, какой стиль они используют. Ландшафт малой родины, его смысловая насыщенность и символика — местные предания, природные особенности, названия городов и рек — создают неповторимый колорит каждого края, который отражается в творчестве. Это внимание к природе и духу окружающих пространств определяется термином «геопэтика», как и тот пейзаж, что пишется автором не с натуры, а создаётся с нуля — сказочно-мифологический ли, абстрактно-урбанистический... Интересно, что в работах Дианы Кан меньше людей, чем оживлённых её фантазией, очеловеченных рек и городов, с которыми её лирическая героиня общается. Мир её скорее былинный, где можно взывать к родным просторам, и они откликнутся:

*...О том, что жизнь не оказалась гладью
И что любовь земная так горька,
Рыдала я над волжскою быстрядью:
«Прими обратно, матушка-река!..»*

*...Не топиться, а родниться
С Волгой-матушкой спешу!..*

*Молчанью учусь у пустыни,
А пенью — у Волги-реки.
Ей сердце вручила навеки
Своё — не за стать, не за прыть.
За то, что строптивые реки
Умеет она приручить...*

*...И как в Венеции венчались с морем,
Ты, Урал-Яик, в глубине таишь*

*Дар венчальный мой —
перстень яшмовый.
Ты его храни, сквозь него теки.
Разлучают нас — зря стараются!*

В поэзии Дианы Кан дышит, меняется, радуется человеку русская природа в своём бесконечном многообразии. Оттеняет и подчёркивает идеи и настроения. Чувственно-звуковая палитра текстов напоминает яркие краски малявинского хоровода, узорочье билибинских иллюстраций, былинный размах васнецовских полотен. А здесь сочетание красок поистине рериховское: «Ликует Анталия. Нежится Ницца...»

*И только у нас в безрассудстве своём
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нём.
Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущихся за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей сажки,
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.
Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей...
И — скифское — цвета запёкшейся крови,
Закатное небо Отчизны моей...*

А что-то напоминает японскую живопись с резкими штрихами тушью на туманном фоне:

*Сбежавшая с картины Хокусаи
(Да так, что ветер взвизгнул за спиной!),
Я в русских несуразных снах витаю,
И дым печной клубится надо мною.*

Диана Кан — талантливая переводчица. Для этого занятия нужна не только хорошая техника стихосложения, но и способность ощутить музыку чужого поэтического космоса, уловить его потаённые токи, передать читателю. Диана перевела множество стихов тувинской поэтессы Лидии Иргит, вложила туда часть души, поэтому сначала мне показа-

лось, что стихи — эти её собственные, и только гадала, когда Диана могла жить в Туве? «Монгун-Тайга, я женщина-скала. Твоим высоким скалам я сестра» — перекликается с образом Дианы Кан: «Пусть знает за плечом моим страна, что я её Китайская стена» — но образ этот глубже «сестры скал» Лидии Иргит, ибо точнее раскрывает судьбу человека в соотношении с судьбой страны.

Блок, любимый поэт Дианы Кан, когда-то писал: «Стоит передо мной моя тема, тема о России. Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь». И для Дианы эта тема — главная, любимая:

*...Россия — странная страна...
В трудах земных измаясь,
по небу странствует она,
о звёзды спотыкаясь...*

*...Самолучшее в мире богатство —
Родимая матушка-Русь!..*

*...никто на Руси не забыт,
И ничто на Руси не забыто!..*

*...Всесильная, словно пароль,
Исконная песня России...*

*...Спит Россия... Россия устала.
Отдохни, чтоб проснуться — собой!..*

*...Вдали от многолюдных перекрёстков
постигла я на стылых сквозняках
кровавый привкус русского вопроса
на опалённых временем губах...*

Но в гражданской лирике Диана не повторяет вечный мотив сонма плакальщиков по униженной врагами стране. В её стихах упрямство и вызов, упрёк и победный гимн сильного человека, уверенного в том, что правда за ним и его Отечеством. Образы воинов, богатырей повсюду в стихах как идеал и лучшее, что есть у народа. И сама она воин, но и прекрасная женщина, любящая своего героя.

В лучших текстах Дианы Кан присутствует та смысловая целостность, которая создаёт эффект достоверности, вызывает у читателя понимание и сопереживание. А присутствие тем священных, сакральных — смерти, Бога, крови — выводит их за пределы повседневности.

*К священному прикиши изголовью,
К отверстой ране припадая власть,
Унейтесь золотой славянской кровью,
Что хлещет вам в оскаленную пасть.
Удавка — ересь чёрная — змеится.
Скорбят берестяные письма.
Георгия победная десница
С карающим копьём занесена.
Покуда медлит, наклонившись низко,
Калёное имперское копьё,
Вампирствуйте, исчадья василиска,
Превознося ничтожество своё!..*

Народ — это сплав индивидуальностей, чьи портреты работы Дианы Кан реалистичны и отличаются глубоким психологизмом, ненавязчиво-тёплым колоритом красок. Хотя есть и несколько жёстких ироничных характеристик для оппонентов. Но чаще она доброжелательно-вдумчиво всматривается в лица своих героев и их внутренний мир. Юная ли это принцесса Фике, ощутившая свою власть, или удалой атаман Бубенец, девочка-узбечка Тульганой, угощающая гостью, или русская девочка, которая на полустанке раздаривает цветы вместо того, чтобы продавать.

Замечателен и портрет ушедшего её Учителя — Юрия Кузнецова, где последняя часть триптиха нарисована, чудится, не словами, а горящими и мятущимися в воздухе мыслями могучего беспокойного духа: «Стихия, укрошённая поэтическим даром, превращается в стихи, но и сами они пробуждают незримые энергии в душе читателя, заставляя сильнее прочувствовать личное отношение к миру, вере, цели».

* * *

Не Самара, не Саранск,
Не Москва, не Абакан —
Снится мне ночами Канск,
Что стоит на речке Кан.

Снится Канск, ветрами битый
Так и эдак, там и тут.
Снится Канск незначительный,
Ссылно-каторжный — забытый
В глубине сибирских руд.

Провидением хранимый
Город, мне принесший в дар
Ту фамилию, что имя
Пожирает, как пожар.

Знать, недаром, знать, недаром
Обретенный мной в боях
Высверк этого пожара
Проступает на стихах.

...Снится, снится, снится, снится...
То ничья ни в чём вина!
Отдарится, отдалится
Золотая сторона.

* * *

Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.
Здесь так легко рукой до звёзд
Достать сквозь облака.

И — тишина... И лишь один
Здесь свищет средь ветвей
Разгульный одихмантьев сын
Разбойник соловей.

Почто, не зная, почему,
Ступив на зыбкий мост,
Вдруг ошетинился во тьму
Мой верный чёрный пёс?

И ворон гаркнул в пустоту:
«Врага не проворонь!»
Когда споткнулся на мосту
Мой богатырский конь?

...Здесь мой рубеж засечный врос
На долгие века...
Ракитов куст. Калинов мост.
Смородина-река.

* * *

*В следующий раз они попытаются
взять нас изнутри...*

Маршал Г.К. Жуков, 1945 год

И вновь мы устоим, когда, мечи попрятав,
Они вползут в наш дом, рядясь в друзей.
И станут, опоив заморским ядом,
Морить старух и развращать детей.

Допустят наших дунек до Европы —
Пусть пляшут по борделям нагишом.
И переоборудуют под «шопы»
И школу, и завод, и космодром...

Мы устоим... Хотя и поневоле
То влево нас, то вправо занесёт.
Мы даже убедить себя позволим:
Мол, рынок нас не выдаст, Бог спасёт!

И будет счастье, словно локоть, близко —
Мы по-американски заживём.
Мы, может, даже выучим английский
(Немецкий-то учить нам было в лом!).

Маркетинг, киллер, дилер, супервайзер,
Промоутер, бибиситтер, беби-бум...
Мы думали: из грязи — прямо в князи.
А на поверку выйдет — русский бунт.

Сметающий содомские пороки
От гатчинских болот и до Курил,
Бессмысленный, кровавый и жестокий —
Тот, о котором Пушкин говорил.

* * *

Неприкаянно, неприкаянно
Я свивала пути в кольцо...
И когда набрела на Каина,
Не узнала его в лицо.

Я сказала: «Богатым будете
Вы, проливший родную кровь...»
Он ответил: «Вы строго судите
Эту родственную любовь...»

Это что ж за любовь, идущая
Из библейских тёмных глубин —
Дочь, родную мать предающая,
На отца восстающий сын?

Мы к согласью прийти не чаяли —
Каждый правду свою искал.
Но лишь речь заходила об Авеле,
Собеседник глухо смолкал.

И в возникшей неловкой паузе
Мы тайком вздыхали с тоской:
«Почему же товарищ маузер
Нам роднее, чем брат родной?..»

Погорюем так и — расстанемся.
Впредь не встретимся: жизнь коротка.
А пока... А пока... Апокалипсис
На Руси моей длится века.

* * *

Ну, какое же мне прощение?
Обо всём я знала заранее:
Не любить тебя – преступление,
А любить тебя – наказание.

Очаруешь до помутнения.
Наизнанку мне душу вывернешь.
Окаянное самозабвение
Есть в твоём погибельном имени.

Для всего остального мира я
Навсегда отныне потеряна:
Без тебя – удручённо сирая,
Хоть в любви твоей не уверена.

Ох, уж эти мне песни грустные!
Ох, уж эти пляски разбойные!
Ох, уж эти волосы русые –
Неприкаянно своевольные!..

И какая тут, право, разница,
Кем ты мне повсюду мерещишься –
То уральским ясенем блазнишься,
То таёжным мраком ощеришься.

Усмехнёшься из омута тёмного,
Горным эхом окликнешь: «Милая!..»
Непутёвая я, непутёвая!
Никого до тебя не любила я!

Не зову тебя все по имени.
И уже не прошу взаимности:
«Ты люби, ты люби, ты люби меня!..» –
В этом нету необходимости.

Просияй же звездой в моей судьбе,
Но останься тайно заветною.
Несу свет тебе, несу свет тебе,
Ой, ты, Русь моя несусветная!

Белгородский кисель

*...Разве можете перестоять нас?..
Ибо имеем мы пищу от земли...*
**«Повесть временных лет»
о белгородском киселе**

Горделивой походочкой-лодочкой,
Затаив за ресницами грусть,
Мне навстречу плывут белгородочки,
В чьих бровях раскрывается Русь.

Православная русская вотчина —
На губах и на сердце ожог.
Белгородчина — речка молочная.
Да кисельный крутой бережок.

Здесь разбойные тропы найдены...
Не зазорно здесь — так твою мать! —
Заявляться незвано-непрошено
За семь вёрст киселя похлевать.

Шли сюда печенег и половцы,
Чтоб вкусить белгородский кисель...
Белгородские добрые молодцы
Провожали незваных отсель.

Провожали незваных-незнаемых,
Что без спросу пришли на постой.
Провожали в закатное зарево
И булатным мечом, и сытой.

Поляница-душа Белгородчина!
Супостату показывай нрав.
Крепость русской державы упрочивай,
Богатырской заставою встав.

* * *

Нам спасение с неба Принесший
И Взвизгивающий скорбно с икон,
Пригвождённый, Распятый,
Воскресший,
Неужели и Ты побеждён?

Неужели неостановимо
Вновь на Русь напалзает орда?..
Третий Рейх против Третьего Рима,
А четвёртым не быть никогда!

Это тьма против русского света.
Это свастика против звезды.
Это вран против сокола... Это
Заматают убийцы следы.

Это выздоровленье больного —
Волей Вышнего неистребим
Восстаёт из неверья бывшего
Кумачом обезбоженный Рим.

* * *

Куда от прошедшего деться?
Залить покаянным вином?
Романс «Разорванное сердце»
Надрывно звучит за окном.

Лишь юность способна так гордо,
Презрев прегрешенья свои,
На два примитивных аккорда
Пропеть о высокой любви.

А голос всё выше и выше...
О, как же походит на нас
Котов расшугавший на крыше
Наивный жестокий романс!

Ты морщишься. Ты не в восторге.
Но вспомни, забывчивый мой,
О том, как наивно жестоки
Мы были с тобою весной!

А ты, как котёнка домашний,
Вольготно и сытно живёшь,
Забыв о любовном бесстрашье,
Жестокий романс не поёшь.

* * *

Осерчавшая вьюга бранится
В тесноте родовых курмышей...
Не впервой ей в казачьих станицах
Выпроваживать пришлых взащей.

Я не пришлая, бабушка-вьюга!
Почему ж мне нисколько не рад
Свои ставни захлопнувший глухо
Оренбургский угрюмый форштадт?

Ну так что ж?.. И на этом спасибо,
Родовой звероватый курмыш.
Я такая ж, как ты, не улыба,
Да и ты-то хорош, пока спишь.

Непроглядью родной, непробудью
Ты меня не жесточь, не морочь.
Без того посторонние люди
Истерзали мне душеньку вклучь.

Ты пойми: я смертельно устала
На разлучной чужой стороне
От радушных улыбок-оскалов,
Что не тонут в банкетном вине.

...Месяц-серп кровянится на небе,
И сугробы встают на пути...
На Пикетную улочку мне бы
По фуршетным бульварам дойти!

Вьюжная соната

Наивная молоденькая дурочка,
Озябшая от безутешных слёз,
Бредёт по оренбургским тихим улочкам,
Бредёт-бормочет странное под нос.

Никем ещё ни разу не целована
И ни в кого ещё не влюблена.
Ничем покуда не разочарована,
Ни разу не сходимшая с ума.

В шубейку-ветродуйку зябко кутаясь,
За вьюжною вуалью пряча взгляд,
Она бредёт, наивная и мудрая —
Совсем как я так много лет назад.

Она бредёт навстречу мне из прошлого,
Прокладывая стёжки на снегу.
Вновь, как в бреду, посмотрит:
«Что хорошего?..»
И снова я ответить не смогу.

Сейчас свернёт с Уральской на Пикетную,
Оставив мне лишь стёжек снежных вязь...

В таинственное-странное-рассветное
Уйдёт, в сонате вьюжной растворьсь.

Стишками, между стёжек заплутавшими,
И тем, что у поэта жизнь горька,
Сонатами, сонетами не ставшими,
Она не озабочена пока.

Она бредёт, покуда безымянная...
Она не знает, как она слаба!
Она в бреду бормочет что-то странное —
Ещё не рифма, но уже — судьба.

И некому сказать наивной дурочке,
Пока её мечтания тихи,
Пока пустынны утренние улочки,
Что это — гениальные стихи!

* * *

Пора отрешиться от чепухи:
Чем я, собственно, хуже?
Бросила пить, курить и писать стихи.
Пора подумать о муже.

Был ввысь устремлён белопенный наив
Ветвей, расцветающих в мае.
Настала пора — и осенний налив
Строптивные ветви склоняет.

Часами над милою Волгой-рекой
Сижу — само благонравие.
Неужто надо — за упокой,
Чтобы закончить за здравие?

Пора влюбляться негорячо,
Подонков судить нестрого.
Пора перестать подставлять плечо
Тому, кто подставил ногу.

Пора... Золотая пришла пора.
Рябины пылают гроздья.
А там, где была я ещё вчера,
Не ждут меня нынче в гости.

* * *

Измельчали мы, измельчали...
Мы не те, что были вначале.
Где косая сажень в плечах?
Где Перунов огонь в очах?

Где предания отчего края?
Расклевала картавая стая...
Где любовь, что веками нам снилась?
Триаршинной косой давилась.

Алой лентою кровь утекла...
Вот такие, мой друже, дела.

* * *

На землю снизошел с небесной выси,
Влачу века сквозь призрачный туман.
Мечу пред кем попало скатный бисер
И подливаю воду в океан.

А океан не только многодумный,
Космично выводящий свой напев...
Во гневе он порой бывает буйный
И на меня свой обращает гнев.

Я б в небеса вернулась, может статься,
Как люди возвращаются домой.
Увы, удавками электростанций
Стреножен бег неукротимый мой.

Но я другой судьбы себе не чаю.
Хоть путь земной неласков и тяжёл,
Но кровь моя небесно-голубая
Горит огнями городов и сёл.

Она горит, пронзая мрак упрямо,
Познав и высоту, и глубину.
А я храню затопленные храмы,
Баюкаю персидскую княжну.

А я горжусь горою Девьей статной
В преданиях, как будто наяву.
И голю, словно жемчуг, перекатной,
Что жигулёвской вольницей зову.

* * *

Коварной волей фотомастера
Однажды и уже навеки
На коллективном фото замерли
Друзья, завистники, коллеги.

Мгновенья дружного бодрчества
Не выглядят на фото зыбкими...
А ведь чего только ни прячется
За белозубыми улыбками!

Тщеславье, зависть, честолюбие...
А пуще прочих — хуже некуда! —
Израненное самолюбие
Любви, что некогда отвергнута.

«Столь разные, что вместе делаем?..» —
Невольно думается с ужасом.
Здесь даже ревность застарелая
Галантностью прикрыта дружеской.

Но вновь, лучась улыбкой тихою,
Со всеми жду: вот птичка выпорхнет
Из объектива юным соколом,
Рождённым только для высокого!

Не потому ль так страстно хочется
Остаться дурочкой наивною
И вновь свершать от одиночества
Побег в то фото коллективное,

Где среди притворства изощрённого
Лишь ты один — вконец растерян! —
Стоишь с лицом приговорённого
Ко мне, как к самой высшей мере.

* * *

Ты взахлёб с другими целовался,
Словно был со мною незнаком.
Но как был дурак, так и остался
Ты в меня влюблённым дураком.

Ты удары солнечные в сердце
Воплощал в лирический угар.
Но с годами никуда не делся
От удара лунного пожар.

Щедро ты дарил цветы любимым:
Уж таков широкий твой размах!..
Но мерцал почти неуловимо
Лунный свет, осевший на цветах.

Почему же, как это ни странно,
Через столько окаянных лет
Отрешённый свет луны-дианы
Пересилил солнечный привет?

* * *

Средь тёмной ночи, среди бела дня
(Молчи, молчи, не говори ни слова!)
Я знаю, слава, ты найдёшь меня,
Но всё же адрес сообщу почтовый.

Хоть ты пока не очень-то спешишь
Меня подвергнуть головокруженью...
Я знаю, слава, ты меня простишь
За все мои былые прегрешенья.

Простишь за то, что, лишь тебя любя,
Я не была упрямой до предела.
За то, что в ожидании тебя
Я замуж пару раз сходить успела.

Пусть верности в тебе и ни на грош —
Не только рядовым, но — знаменитым.
Зато меня ты, как никто, поймёшь.
А значит, слава, мы с тобою квиты.

Пусть я не раз продрогну на ветру,
Шепча твоё единственное имя...
Но я проснусь однажды поутру,
Согретая объятьями твоими.

* * *

Когда заря запылила ало
И волжский окровавила прибой,
Я выплакаться к Волге прибежала
И долго причитала над водой.

Печали, что копились долго-долго,
Слезами и словами излила.
Так долго я рыдала, что лишь Волга
Меня понять и выслушать могла.

О том, что жизнь не оказалась гладью,
И что любовь земная так горька,
Рыдала я над волжскою быстриною:
«Прими обратно, матушка-река!..»

Полночных звёзд рассеянный стеклярус.
Зари вечерней сумрачный пригас...
И – плыл ко мне поднявший алый парус
С проть-берега отчаливший баркас.

* * *

Ты говорил мне пустые слова,
Не отражавшие суть:
«Вот и Нева!..» – это Нева?
Это неважно ничуть!

И отражались, как вещи сны,
В сумрачной невской волне
Белые ночи, чёрные дни,
Медный кумир на коне.

И провожал поезда на Москву
Город, пленявший умы.
И неотрывно смотрели в Неву
Неотразимые мы.

Только и надо – объять разжать
Перед свиданьем с Москвой...
...Город, привыкший врагов отражать,
Не отразил нас с тобой.

* * *

Сбежавшая с картины Хокусаи
(Да так, что ветер взвизгнул за спиною!),
Я в русских несуразных снах витаю,
И дым печной клубится надо мною.

О, Хокусаи-сан, как вы неправы,
Мне душу посыпая жгучим перцем!..
Большой волной несчастной Канагавы
Тоска нет-нет да и подкатит к сердцу.

И поддаюсь великому соблазну —
Цветенье сакур узнаю во вьюгах...
Какой непредсказуемой и разной
Бывает Русь в своих сынах и внуках!

Они порою не светловолосы.
Дела их не всегда богоугодны.
Они таят коварные вопросы...
И только в снах своих они свободны!

Но не востока утренняя свежесть
Под восходящим ввысь японским солнцем,
А снится им заснеженная нежность
Руси сквозь индевелое оконце.

* * *

Неуёмное сердечко уйми —
Не удержишь ветра в грешной горсти.
И колико сокола ни корми,
А с руки его — хоть плачь! — отпусти.

Воронья-то, воронья над тобой!..
Помогала ты им стать на крыло.
Но, лишь крылья ощутив за спиной,
На тебя же и закаркали зло.

Что им неба золотой окоём,
Денно-нощное раденье твоё?..
По полёту соколов узнаём.
По помёту узнаём вороньё.

Сколько ворона с руки ни корми —
Всё равно в его глазницах мертво.
Ясна сокола на небо вздыми —
Свет Отечества в очах у него.

* * *

Пускай меня зовут последней стервой,
В пример мне ставят бабушку Ягу,
Но всё равно я буду только первой,
Ведь быть второй я просто не могу.

Вот так — и только так! —

надменно мнилось

Мне в молодом запальчивом бреду.
Но если вправду предсказанье сбылось,
За свой успех отвечу я в аду.

Простите, нерождённые сыночки!
И вы простите, гневные мужья,
Что за предощущенье главной строчки
И жизнь, и душу заложила я.

За то, что мне всегда казалось мало
Любви земной и радостей земных...
Но строчка-дочка тайно вызревала
Под певчим сердцем, воплощаясь в стих.

Она ревниво всю меня хотела,
Чтоб ею лишь дышала и жила...
Вот с губ вспорхнула, в небо улетела.
Ну а меня с собой не позвала.

* * *

Ю.К.

Уснул и не проснулся.
И — в небеса ушёл.
Ты никогда не гнулся,
Хоть был твой крест тяжёл.

Безрадостно светало...
Любимая жена —
Россия промолчала,
В себя погружена.

Не выла, причитая,
Соломенной вдовой.
Скорбяще дождевая,
Склонилась над тобой.

И в вечность утекала...
И каплями дождя
Всё в губы целовала
Холодные тебя.

* * *

Вокруг твердят: ты сущий Лель!
Второго не отыщем!
А ты разбойник-соловей
С ножом за голенищем.

Я этот пламенный металл,
Что золотом заточен,
Вчера, когда ты крепко спал,
Увидела воочью.

Клинок, какому нет цены
В раздраз и в лихолетье.
В нём сонмы звёзд отражены
И гулкие столетья.

Зенитом собственным пьяна,
Светло и окаянно
В нём отражается луна —
Надменная Диана.

В нём отсвет болдинских дубрав,
Ночных терцин мерцанье,
Разбег торкватовых октав,
За Родину ристанье.

И что свирель?.. В родном краю
Смолкают даже пули,
Когда он запоёт в бою
Иудам аллилуйю.

* * *

Ужель тебе к лицу твоя судьба,
Ты, прежде ветром крытая крылатым,
Бревенчатая русская изба,
Обложенная сайдингом, как матом?..

Здесь синий март — протальник-зимобор —
Сменял апрель — зажги снега, играй овражки.
И обрусевшим розам не в укор
Вновь палисады обживали кашки.

Где этот палисад? В разгаре дня
Я помню, как, от зноя неподвижны,
Заморские гортензии тесня,
В нём безраздельно царствовали пижмы.

Красавишны, царишны мои,
Форштадтским ветром венчаны на царство,
Судьбой своей с моей судьбой сродни,
Они так любят мне во снах являться.

В растерянности на ветру стою
И думаю: «Зачем пришла? Не знаешь?..»
...Родной Форштадт, тебя не узнаю!
И ты меня узнать не поспешаешь.

* * *

По соседству с могучим бурьяном,
Пред грозой отливающим в синь,
У подножья крестов покаянных
Чуть горчит луговая полынь.

Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет...
Ох и тёмная выдалась ночь,
Когда я появилась на свет!

Хоть и майским победным салютом
Осенил эту ночь Господь,
Но страдать безрассудностью лютой
Он обрёл мою душу и плоть.

Так живу, меж восторгом и стоном
Воплощая стихию в стихи,
В гонорар конвертируя гонор,
За любовь принимая грехи.

И моя сиротливая строчка
Волочится за мною вослед...
Это я, непутёвая дочка,
Принесла тебе, мама, букет!

* * *

Когда на небе полная луна,
Когда на Волге ты совсем один —
Кувшинкою персидская княжна
Всплывает из отверженных глубин.

Пуškai ты не назвал её женой.
Слов запоздалых — нет! — не говори.
Пусть, осиянна синею луной,
Она цветёт до утренней зари.

Пленённая персидская княжна,
Тебя навечно взявшая в полон —
Пуškai она качается, нежна,
Кувшинкою на дрёмной глади волн.

Ей безразличны и людская молвь,
И свойственный преданьям приукрас,
Что злее зла была твоя любовь
И холоден огонь кинжальных глаз.

Под крики: «Нас на бабу променял!» —
Она, струя потоки стылых слёз,
Лишь спросила с грустью:
«Кинешь мя?..» —
В казачьем оре потонул вопрос.

Не говори, как ты её любил,
Ватажеству шальному предан в дым...
Ведь ты не виноват, что выбор был
Меж нею и всем миром остальным.

* * *

Б.Р.

Да что же вдруг случилось с нами?
Куда нас чёрт с тобой занёс?
«Прош-ш-шло...» — бумажными цветами
Шуршит заброшенный погост.

Прошло ли? Ой ли? Не вчера ли
Здесь дождик лил, закат кровил?
И, полный блоковской печали,
Бродил мальчишка меж могил.

Я подошла к нему поближе,
И он воззрился на меня...
Ах, этот мальчик ярко-рыжий,
Как сполох майского огня!

Он молча взял меня за руку,
И я подумала: «Поэт!»
Он первый преподавал науку
Влюбляться в тех, кого уж нет.

И, пыль столетий с фотографий
Смахнув, мы постигали вслух

В щемящей грусти эпитафий
Поэзии бессмертной дух.

Мне пригодилась та наука —
Да будет проклята она! —
Ведь я на грани смертной муки
Не раз бывала влюблена.

Так безоглядно, безответно,
Закусывая губы в кровь...
Всё уходящее бессмертным
Способна сделать лишь любовь!

* * *

Там, где вставали в полный рост хлеба,
И где полынь мешалась с лебедой,
Дышали страстно почва и судьба...
...Но почвовед не стал моей судьбой!

Он говорил: «Мужчина должен знать
Ту землю, на которой он рождён...»
А я мечтала в небесах летать,
Поскольку на земле впадала в сон.

Летать, не зарекаясь от сумы.
И петь — чем безысходней, тем звончей.
Ну, как могли понять друг друга мы?
Мы, стрекоза и хмурый муравей!

Он говорил: «Какой забавный бред!
От печки до порога — женский путь!..»
Мой почвовед, мой милый почвовед,
Простишь ли ты меня когда-нибудь?

Я этот путь с годами обжила...
Ах, кабы раньше, кабы раньше знать!
Я б виноватой тучкой притекла
К земле, какую нам не выбирать.

Пропела жизнь — такие-то дела.
Немного сумела рассказать.
Судьбой, что в почву намертво вросла,
Способна ль стать рождённая летать?

Я обожаю росные поля
И уважаю грозные леса...
Для бренности сгодится и земля,
Но почва для поэта — небеса.

Пусть этот мой неукротимый бред
Когда-нибудь в земной заляжет пласт.
И новый в жизнь влюблённый почвовед
За все мои терзания воздаст.

* * *

Тот сказ до сих пор не прочитан.
Задвинут на пыльную полку.
Пунцовый от гнева очиток
Роняет соцветья-осколки.

Осеннее детище солнца,
Он солнцем не шибко заласкан.
И всё ж над уныньем смеётся
Обносками мантии царской.

Сиротство октябрьской картины
Озябшую душу не греет...
И только очитка куртины
На сером всюю пламенеют.

«Скрипун», — его бабки окликнут.
Капустою зайцы считают.
Прохожие старцы-калики
Очиток в суму собирают.

Далече ли путь они держат?
В кровь сбиты усталые ножки.
По древней бредут, мимоезжей —
По Муромской стёжке-дорожке.

Туда, где на печке, могутный,
Лежит богатырь небывалый...
России, растерзанной смутой,
Такого давно не хватало!

В кровь ноги усталые сбиты
Несущих свой груз сокровенный.
Насколько чудотворен очиток —
Настолько неприкосновенен!

Заваренный с крепкой молитвой,
Очистит от зла-окаянства —
Боярин ли будь родовитый,
Крестьянин ли будь безымянный.

Пока ещё незнаменитый,
Лежит, обезножен, на печке.
А выпьет отвар из очитка —
Встряхнёт богатырские плечи.

Сверкнёт боевой булавою,
Пойдёт с лютым недругом драться...
И будет всей Русью Святою
Илюшею Муромцем зваться.

* * *

Если женщина обмолвилась: «Ты мой!..» —
Одевайся и скорей беги домой.
А иначе — голова лихая с плеч:
Будешь мыть и убирать, стирать и печь.

Будешь мусор выносить в одних трусах.
И лететь домой на всех на парусах.
И кричать, как пионер: «Всегда готов!» —
Разгоняя озабоченных котов.

Если тут не греют даже и враги,
То тем более отсюда беги.
А иначе, как примерный скучный зять,
Будешь тещу мамой называть.

Одевайся потеплее... Видит Бог,
Мир в преддверии весны совсем продрог.
Не спасает даже женское тепло —
И с погодою тебе не повезло.

То капель звенит, то вьюга за окном.
То поманит вдруг обманчивым теплом.
То февраль вступает царственно в права...
Ну соври мне, ну соври, что я права!..

Ты обманно-переменчив, как февраль.
И такой же как и он банальный враль,
Настроение меняющий подчас
Не один и не другой десяток раз.

...Если женщина обмолвилась: «Ты мой!» —
Одевайся и скорей беги домой.
Не совсем же ты ещё сошёл с ума.
Возрази мне: «Дорогая, мой сама!..»

* * *

Блинный дух и дух былинный
Поизветрились Постом...
Раскалённая калина
Кровянеет под окном.

Раскалилась, словно печка,
Всласть отведавшая дров.
Бабка Настя теплит свечку,
Взгляд серьёзен и суров.

Свежей сдобой тянет сладко.
Скоро Пасха. По ночам
Непоклонистая бабка
Бьёт поклоны куличам.

На муку слегка подует.
Бухнет масла дюжий ком.
И колдует, и волхвует,
И орудует пестом.

На пасхальной на неделе
Не из нашей ли печи
Куличи в трубу летели,
Золотые куличи?

...С бабой Настею не спорьте,
Хоть она добра на вид.
«Масло пёчива не портит!» —
Баба Настя говорит.

Из печи кулич достанет.
Цыкнет: «Рученьки уйми!»
И, возрадуясь устами,
Опечалится очми.

Ах, как пахнут сладко-сладко
Золотые куличи...
Что ж печалуется бабка,
Пригорюнься у печи?..

Почему она печальна,
Если с самого утра
Благолепно-величально
Льют елей колокола?..

Не с того ли, что былинный
Дом вот-вот пойдём на слом?..
...Сгустки ягоды калины
Кровянеют под окном.

* * *

О.И.

Спеша из ниоткуда в никуда
И увозя с собой чужие жданки,
Встречаются ночные поезда
На Богом позабытом полустанке.

Два фирменных, два скорых,
вдаль спешат...

И встретятся ль ещё на свете белом?
Лишь две минутки рядом постоят
Под семафорным бдительным прицелом.

Покуда пассажиры крепко спят,
Наговорившись и напившись чаю,
Ночные поезда стрелой летят,
И время, и пространство побеждая.

Я выйду в тамбур, молча закурю.
И задохнусь от приступа бессилья.
Вот так однажды и любовь мою
И время, и пространство победили!

Прижмусь к стеклу разгорячённым лбом
У сумрачной эпохи на излёте.

И взгляд, что до озноба мне знаком,
Поймаю вдруг в окне купе напротив.

Сорвётся с губ непроизвольный вскрик,
Сигналом тепловоза заглушаем...
И тронутся составы в этот миг,
И мы навек друг друга потеряем...

И заметёт мой путь усталый снег
На роковом последнем повороте,
В пространстве русском растворюсь навек
У сумрачной эпохи на излёте.

* * *

Медной горы хозяйка!
Где же твоя гора?
Или ты просто зазнайка
И поумнеть пора?

Где твой Данила-мастер?
Каменный где цветок?
Эвон, какие страсти
Бьются тебе в висок!

Жить бы, не беспокоясь,
Не замечать обид...
Где он, твой Каменный пояс?
Что ж он тебя не хранит?

Мерцают твои самоцветы
Тысячи долгих лет...
Чёрт догадал поэтом
Родиться на Божий свет!

И самоцветные фразы
Разбрасывать напоказ...
Светятся хризопразы
Лунных усталых глаз.

Слёзы в камень отлиты...
Знает о том одна
Чара из чароита,
Выпитая до дна.

* * *

Вновь одна на пристани стою.
Вслед смотрю большому кораблю...
Неужели ты меня покинул?
Неужели я тебя люблю?

Солнце вновь встречается с луной.
Чайки парой кружат надо мной.
И волна целуется с причалом...
Ну, а мне доколе быть одной?

Подо мной качается причал...
Ну, отколе эта грусть-печаль?
И доколе вслед волной влачиться?..
Милый ничего не обещал!

Ну, доколе, Коля-Николай?!
Сиди дома, Коля, не гуляй!
Посажался на корабль мой Коля.
«Лихом, — говорит, — не поминай!»

* * *

Здесь время течёт иначе.
Здесь суетное не в счёт...
Под окнами старой дачи
Крапива вовсю цветёт.

Цветёт, не ведая скуки,
С повадками злой снохи.
И, словно к бабуле внуки,
К землице льнут лопухи.

Здесь время течёт, как Крымза
Несуетная течёт...
А то, что свекровку гримзой
Здесь кличет сноха, — не в счёт!

Не в счёт, что сноха сварлива.
Крапивный у сношки нрав.
Уварится в щах крапива,
Судьбою-едьбою став.

Здесь времени и пространства
Навек неразрывна связь...
Твоим тридевятым царством
Отверженным становясь.

* * *

Мой гений, ты умён и мил,
Но скуден твой удел:
Поэта ты во мне любил,
А бабу проглядел.

О, сколько милой чепухи —
Припомнить не берусь! —
Ты гневно записал в грехи,
А люди думали — стихи,
Учили наизусть.

Наивно веря словесам,
Рождённым наугад,
Увы, читатель наш и сам
Обманываться рад.

О том, что слава — сущий вздор,
Безделица и хлам,
Осознаём себе в укор
Лишь к сорока годам.

И тянем, тянем вновь и вновь
Томительный напев
О том, как кончилась любовь,
Начаться не успев.

* * *

Событий смутных нам темно значенье,
Но Судный день грядёт:
Исполнится библейское реченье,
И гада гад пожрёт.

И, не суля безоблачного рая,
К нам наконец,
Овец от злобных козлиц отделяя,
Придёт Творец.

Господь придёт пожар лечить потопом,
И — ной, не ной! — библейский ладь ковчег.
На скорбном стыке Азии с Европой
Ты призван свыше, русский человек!

Пусть неоглядна матушка-Расея —
Пожар, потоп, поклёп, сума, тюрьма...
Но даже на семи ветрах Рифея
Живи, не выживая из ума!

Живи — от Бога в вековечном шаге,
Что одолел за несколько минут!..
...Пусть вострубит пикирующий ангел,
Призвав земное на небесный суд.

* * *

Собирай, зима, котомку
Ледяных напрасных слёз!
Трясогузку-ледоломку
На хвосте журавль принёс.

И, верна своей привычке
Быть первой в деле том,
Эта птичка-невеличка
Разбивает лёд хвостом.

В поднебесье не летает,
Но усердием её
Лёд, сковавший сердце, стает
И стечёт в небытие.

Припасла для всех подарки,
Несмотря на суету:
Юной яблоньке-дикарке —
Подвенечную фату.

Речке-старике — свиданье
Со стремниной молодой.
Иве-брошенке — страданья
Над высокою водой.

Снежной бабе-несложёнке —
Солнечной любви оскал...
...Всё, что мне, дрянной девчонке,
Ты когда-то обещал.

* * *

Если от горя народ обезножен —
Прялку под лавку, шашку — из ножен.
Свистнешь — и конь пред тобою — огонь!
И под копытом ковыль одолонь.

Не богатыршей-микулишной вроде
Кличут тебя, величают в народе —
Дочка, сестрица, супружница, мать...
Статочно ль прялку на шашку менять?

Слышь-ко, по пьяни куражатся: «Ухнем!» —
Богатыри по пивнухам и кухням?..
Всё о Руси неустанно радеют —
То похмеляются, то фанатеют.

Ну проявила бы бабью смекалку
Да поменяла бы прялку на скалку.
Скалкой сподручнее — так твою мать! —
Богатырей в честный бой подымать!

Ой, поменяла бы!.. Только вот жалость:
Богатырей-то почти не осталось!
Надо нам, бабоньки, вот о чём речь,
Богатырей на племя побережь!..

Али мы, бабоньки-девоны-сёстры,
Лишь на язык боевиты да востры?..
Аль богатырски у нас не крепка
И прикипела лишь к скалке рука?

Не осудите, родимые, строго!
Да пожелайте удачи в дорогу,
Ведь унывать нам никак не годится,
Матушка-шашка да прялка-сестрица!

* * *

«Рус...» — читаю нынче на заборе.
Время удивляться, не шутя.
Помнится, писали тут другое,
Три весёлых буквы приплетя.

Нынче вспоминается с улыбкой,
Как в кратчайшем из возможных слов
Ухитрялся допустить ошибку
Некий вольнодумец-острослов.

Нынче все мы вроде вольнодумцы.
И на всё у нас готов ответ.
Скажешь: «Русь» — тебе в лицо смеются,
Словно слова неприличней нет.

Мы не то чтобы умом не вышли,
Но живём-то, братцы, снова!
От избытку чувств-с порою пишем
На заборе всякие слова.

Вроде никого не порицая,
«Русский» написать пыталась ты.
Тут же подросли полицаи,
Извиняюсь, бывшие менты.

Всю Россию превратив в казарму,
Наводя кладбищенский уют,
Хорошо ещё хоть не жандармы
Нам урок грамматики дают!

* * *

...Я усталым таким ещё не был...

Есенин

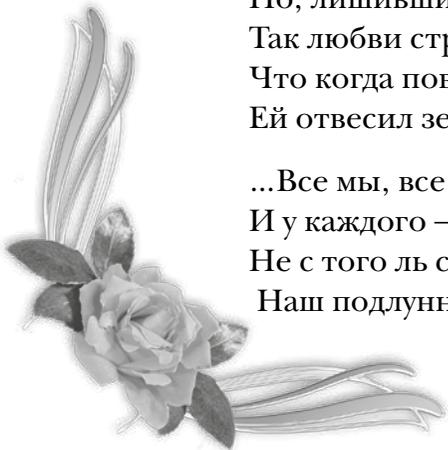
Ты любимым таким ещё не был...
И не будешь! Уж ты мне поверь!
Не с того ли сбежавший с неба
Ветер воет, как раненый зверь?..

Он не меньше любви был достоин
И в боях за любовь изнемог...
Неотмирный небесный воин,
Ставший пылью земных дорог.

Ветрозвонит январь, ветрозвонит.
С ветром спорить резону нет.
Не склонившись ни разу в поклоне,
Лишь поэтому он поэт!

Но, лишившись навек покоя,
Так любви страстно жаждал он,
Что когда повстречался с луною,
Ей отвесил земной поклон.

...Все мы, все мы любви достойны,
И у каждого – свой кумир...
Не с того ль сотрясают войны
Наш подлунный жестокий мир?..

Не с того ли, мой друг, не с того ли,
Близко родственные ветрам,
Мы так страстно мечтаем о воле,
Что покой только снится нам?..

* * *

Пью за здоровье бывших мужей!..
Здравы будьте, мужья мои милые!
Опьяняйтесь свободой своей,
Жизнь любите с удвоенной силою!

Никого и ни в чём не виня,
В женских душах блистательно
властвуйте!..

Ну, а что не любили меня —
И за это, мужья, благодарствуйте!

И за это, и даже за то,
Что в своей поэтической удали,
Вы, как, видимо, больше никто,
Юность с вечностью намертво спутали.

Не ищите такую нигде —
Во хрустальном гробу почивавшую,
Выживавшую в мёртвой воде,
Из трубы на метле вылетающую.

Убедившую: путь ваш высок!..
Обманувшую всех и минувшую...
...Всех созвавшую на огонёк —
Лёгким дымом в трубу улизнувшую.

* * *

Казалась вся из инея и льда...
Но вот однажды, как это ни грустно,
Она ушла сквозь пальцы, как вода —
Вода реки, прокладывая русло.

Она ушла, звенящей синевой
Сигналя о начале новой жизни.
Ты тоже называл её женой.
Ты тоже говорил ей об отчизне.

Ты тоже ей твердил: «Не прекословь!..»
И был непредсказуем-неминуем...
Воздушным замком ставшая любовь
Закончилась воздушным поцелуем.

Она ушла... Какой простор вокруг!
Какие шири и какие выси!..
...Она везде всегда уходит вдруг —
Попытка пагубна её уход осмыслить.

* * *

Я запомню себя в заповедном забывчивом мае,
Где никак меня звать, где ещё я никто и ничто,
Где собака не лает, рябина косой не играет,
Где плетусь я понуро с тетрадью стихов на лито.

А собаки притихли в форштадтских резных
палисадах,
И прижухли рябины, грядущую чуя беду...
Говорила мне мама: «Оно тебе, доченька, надо?..»
Не послушала маму, не ведая, что на Голгофу иду.

Говорила мне мама с глухим материнским укором:
«Что стихи? Суший вздор!.. Ты в торговый бы шла
институт...»
Только что я могла, коль докучнее всех ухажёров,
Всюду-всюду меня карауля, стихи начеку —
тут как тут?..

Я направо пойду — обжигаюсь молвою досужей.
А налево сверну — ухажёров назойливых рать...
Ну, а мне-то, а мне-то всего только в жизни
и нужно —
То, что вздором считают, в тетрадь
поскорей записать.

Пусть мутузят друг друга, отвергнуты мной,
ухажёры.
Пусть не сходит с лица моей ласковой мамы укор...
Ну, а мне бы укрыться от всех за высоким
форштадтским забором
И нести, и нести, и нести восхитительный вздор!

Отцветут по форштадтским резным палисадам
рябины,
Напитаются гроздьё голгофскою кровью Христа.
И зажгутся на ветках воскресших созвездий
рубины,
Чтоб до первых морозов у смертных горчить
на устах.

«Эко я, как рябину, судьбину свою обломала!..
Ведь без вздора теперь не прожить мне ни часу,
ни дня...»
Но пока я слова для стихов, как рубины рябин
подбирала,
Беспощадное вещее Слово прицельно стреляло
в меня.

Заповедный забывчивый май, твою заповедь
я не забуду!..
Хоть уже никогда ни за что не сумею вернуть
Тот единственный, жуткий, подобный
Голгофскому чуду,
Тот прекрасный, лучистый, тернистый,
изменчивый путь!

Нет в помине уже тех форштадтских резных
палисадов.
Нету мамы давно... Но всё слышится, словно
в бреду:
«Что стихи? Сущий вздор! А оно тебе, доченька,
надо?..»
...Не послушала маму и вот на Голгофу иду.

Сколько ж можно идти, непутёвая мамина дочка?..
Говорила же мама!.. Её не послушала я.
...Написала не я золотые заветные строчки —
Это сами они написали и переписали меня.

Посвящение на книге

Пускай переживают нас
Нас вдохновлявшие мужчины,
Которых видеть без прикрас
Не признавали мы причины.

Какою — Боже мой! — была
Непроходимую я дурой,
Что до небес превознесла
Тебя, мой демон белокурый!

Тебя, ушедший в злую ночь
В обнимку с одичалой вьюгой...
Сумевший вьюгу превозмочь
Не назовёт её подругой.

...Но разве мог быть не любим
Хотя бы на одно мгновенье
Лобзаньем пламенным своим
В меня вдохнувший вдохновенье?!.

* * *

Сладкими восславленная снами,
Проклятая трижды наяву,
Полыхнёт — о, если б куполами! —
Сторона, что отчиной зову.

Полыхнёт — от края и до края!
Кабы знать: рассвет ли то? Закат?
Угли ада или розы рая
В небесах над отчиной горят?

Поцелуй Авроры розоперстой
Воспевала я сама не раз,
Позабыв: Аврора — это крейсер!
Только так заведено у нас!

Только так — от залпа и до залпа.
От одной Авроры до другой!
Только так у нас, привыкших залпом
Пить за здравье и за упокой.

Расцветай, Аврора, розой райской,
Адовым угольем небо жги.
Ведь чем дальше в нашей русской сказке,
Тем страшней и не видать ни зги!

Пусть в кровавом роковом узоре
Через сутемь брэнной суеты
Встанут зори в пламенном уборе,
Обагрив на куполах кресты.

* * *

Спой обо мне, обманутая Тоска!..
А я, так и не понята никем,
Вздохнув, запью печаль шампанским
Боска
За неимением шато-икем.

Не то чтоб вдруг. Не то чтобы некстати.
Не то чтобы надрыв или надлом.
Не то чтоб я продрогла от проклятий.
Не то чтобы вся жизнь пошла на слом.

Не то чтоб мне сегодня было плохо...
Сегодня мне, пожалуй, всё равно!
Мерцает недопитая эпоха,
И не таковских утянув на дно.

Не то чтоб потаскухой обозвали...
Не то чтоб в этом не моя вина:
Потосковав наедине с бокалом,
В холодную постель ложусь одна.

Не то чтоб стервой оказалась слава.
Не то чтоб прикурить не дал никто.

Не то чтоб у вина видок кровавый...
Не то, не то, не то, не то, не то!..

А просто дерзкой юности обноски
Вдруг стали обветшалы и тесны...
Не пьешь – так пой, обманутая Тоска,
В объятиях несбыточной весны!

* * *

Россия, Русь... А дальше многоточие...
Что ж, в этот скорбный судьбоносный век
Обочину мы приняли за отчину
И побрели по ней и в дождь, и в снег.

Мы люди Божие, калики перехожие.
Мы эмигранты в собственной стране...
Но, как ни тщились, нас не изничтожили
Все те, кто мимо мчались на коне.

Все те, кто напылили-накопытили.
Все те, кому чертовски повезло.
Все те, кто записались в небожители
Родной земле отверженной назло...

...Под вопли автострадные-эстрадные,
Летящие в лицо нам пыль и грязь
Идём-бредём пообочь, невозвратные,
На купола церквей перекрестясь.

И нам не надо с отчиной сцепления
Шипами оцетинившихся шин,
Когда у ног почти в благоговении
О вечном шепчет скорбная пыльнь.

* * *

Е. С.

Небритый, неприкаянный, уставший,
Опальный выдающийся поэт!
Забудь про наш, давно дуэлью ставший,
Трагический и творческий дуэт.

Ты снова приволок букет претензий,
Не в силах суету сует избыть.
А мог бы – мог бы! – мне букет гортензий
Хотя бы напоследок подарить!

Не мне клонить голову повинно долу.
Лелеять не тебе глухой укор,
Ведь всяк поэт своё выводит соло
Из зябкого забвенья на простор.

Когда звучат стихи, стихают звуки
Житейской неизбежной суеты...

...Подаждь нам днесь возвышенные муки
Позволивший нам звать Себя на Ты!

* * *

П.С.

Караван-Сарайская — не райская!
Улочка горбата и крива.
Но цветут на ней сирени майские —
Так цветут, что кругом голова!

А неподалёку Растаковская
(Баба Настя так её звала) —
Улица с названьем Казаковская
Муравой-травой поросла.

Так живут — без лести, без испуга! —
Приговорены, обречены,
Улочки, что в центре Оренбурга
Детские досматривают сны.

Им не привыкать! Иль это снится мне:
Жили-выживали, кто как мог,
Хлопавшие ставнями-ресницами
На ветрах неласковых эпох?..

...Дерзости училась я у робких
Улочек, знакомых наизусть...

Железобетонные коробки
Вытесняют из России Русь.

Сторона моя обетованная —
Оренбуржье! Всё ты тут, как есть!
Дремлющая Азия саманная
И казачья яростная спесь.

* * *

Я узнаю твой знаменитый зной...
Ты не забыл, что я тебе родная?
Но ты, такой красивый и чужой,
Глядишь в упор, своих не узнавая.

Диана Кан, какой же ты поэт?
Разбойница, драчунья и бандитка!
А ты, хоть и моднее стал одет,
Не городок, а сто рублей убытка!

А если так, то нечего в упор
Смотреть на то, как я вернулась в детство,
Где был мне тесен душный твой простор,
Где зной знобил доверчивое сердце.

Не здесь ли — послушание само! —
Я постигала септаккорды-гаммы?
Здесь мной разбито не одно окно
И спичек уворовано у мамы!

...Ответь же мне без горестных напад —
И более я не задам вопросов! —
Куда ты подевал Татарский сад —
Отчизну лучших в мире абрикосов?

Там спелых яблок восковая спесь
Не раз подверглась моему набегу.
Там на любое дерево залезть
Умела я с хорошего разбега...

Ты это всё на новенький проспект
Сменял, чтоб стать как щёголь
на картинке?..

...Мой древний город, дервиш и поэт,
Не мне судить тебя, твоей кровинке!

В полночной луноликой тишине
Дожить бы, дотянуть бы до рассвета!..
От щедрых предков перепало мне
Лишь это огнедышащее лето.

* * *

Дом аспиранта МГУ.
А в просторечье — ДАС.
Хочу забыть, но не могу
Таких счастливых нас.

Таких несчастных нас с тобой
Я не могу забыть.
Ту обречённую любовь
Доселе не избыть.

Сквозь мутный гласности поток,
Сквозь плюрализма взвесь,
Демократизма едкий смог,
Сепаратизма спесь.

«Дас ист совковая страна!..» —
Нам не твердил немой.
Но на хрена нам, на хрена
Любви стесняться той —

К вдвойне обманутой войной,
Оболганной втройне,
К той ошельмованной, родной,
Растерзанной стране?..

...Сухой закон. Мы пьём вино,
Не чувствуя вины,

Так непростительно юны,
Так страстно влюблены!

На царской мантии зимы
Проталин вешних грязь...
Смущают юные умы
Равно и князь, и мразь.

Радеют рьяно за народ —
Не разберёт никто —
Искариот ли? Патриот?
Иль просто хрен в пальто?..

Нам гласность не нужна с тобой!
Хотя сюжет не нов,
Но наша юная любовь
Красноречивей слов!

Не нужен суверенитет,
Сепаратизма хлам,
Ведь жизни нет и смерти нет
Поодиночке нам!

Покуда пьём с тобой вино,
Не чувствуя вины,
Сжимается спираль Бруно
На шее у страны.

Пускай обманута страна —
В том не её вина!..
Пусть в магазинах ни хрена,
Зато в душе — весна!

* * *

С.Б.

Пока ещё ты славой не заласкан,
Хотя уже, похоже, взят в прицел,
Насмешливо возьму тебя за лацкан,
Покуда высоко не улетел.

На лацкане медаль лауреата
Соперничает с розою любви...
Соседство их не то чтобы приятно,
Но устоял хоть кто-то? Назови!

Из тех, кто славой искушён-услышан,
Никто не озаботился всерьёз,
Что на пути, какой суждён нам свыше,
Шипов куда поболее, чем роз.

Твой путь высок — ведёт тебя далече.
Огонь и воду ты перепластал.
Но предстоит она — со славой встреча
И медных труб обманный драгметалл.

Драк и метаний истинным итогом
Да будет вдохновения полёт!
Лишь этим оправдаемся пред Богом,
Который всё простит и всё поймёт.

* * *

Да как же это, как же это вышло,
Что ты, который Богу присягал,
Превыше Бога и превыше ближних
Вдруг возлюбил Интернационал?..

Бескрайняя Сибирь лежит под снегом.
Метель надрывно стонет, плачя...
Пробьётся ссыльно-каторжным побегом
Цветущая империя твоя.

Хоть слышится порой в метельном плаче
Печальный зов отвергнутой зурны,
Побег твой обречён был на удачу —
Победное цветение весны!

Железный Коба! Ты сражён печалью,
Про все невзгоды зная наперёд...
Железо, чтобы стать поющей сталью,
Должно пройти сквозь пламень и сквозь лёд.

Знать, Бог судил — и никуда не деться! —
В плену провалов, ссылок, неудач
Суметь постичь стальным кавказским

сердцем

Метелей русских горький бабий плач.

* * *

Ты долго по миру блукал,
Всемирности русской заложник.
Среди иноземных лекал
Себя отыскать невозможно!

Ты счастья отнюдь не просил.
Ты классика принял на веру,
Который не раз говорил,
Что счастье — земная химера.

Что все мы под небом седым,
Где ветры вселенские свищут?..
Невольно о воле скорбим.
Покой, беспокойные, ищем.

Выходим один на один
С пропахшим степями култуком...
Но вал повернёт баргузин,
Нам став и собратом, и другом!

...Ты всуе так долго искал
Покоя. Созвучья. Участья...
...Россия. Распутин. Байкал...
Ну что ещё надо для счастья?

* * *

Пуглив и странен,
Диковат и тих,
До времени державшийся в сторонке,
Меня подкараулит мой же стих,
Похож на нежеланного ребёнка.

В какой такой сторонке он возрос?
На стороне возрос... Моей родимой!
И сколько пролил безутешных слёз,
Покуда мать фланировала мимо!

Переживая бедствие моих
Лирических любовных отступлений,
Эпических реваншей жаждет стих —
Дитя моих спонтанных вдохновений.

Напрасный труд — надеяться и ждать,
Пока мамаша в небесах витает.
Увы, не повезло тебе на мать,
Но дети матерей не выбирают!

Что матерная ласка — сторона,
Ты пообвыкся на родной сторонке.
Как поживаешь, милый?.. Тишина
В ответ звучит заносчиво и звонко.

* * *

Над рюмками взлетевшая бутылка
Свой соколиный совершит полёт...
Собрат-поэт, ты жив ещё, курилка?
О суетном забудь: оно пройдёт.

Не нам считаться шрамами, и раны
Не нам и не сегодня бередить...
Но после первой рюмки всё же рано
На пару трубку мира закурить!

Не курится — хоть тресни! — трубка мира.
Знать, не о том не так мы говорим.
Пускай решит изменчивая лира,
Кому быть первым, а кому вторым.

Кончай рыдать и хоронить Россию!..
Мы все у Бога в праведной горсти.
И красною писательскою ксивой,
Как белым флагом, перестань трясти!

Ну, по второй? А то всё ноешь, ноешь...
Ну что, дружок, поделаешь с тобой?
Коль в бой пойду, ведь даже не прикроешь,
А будешь маркитанить за спиной!

По третьей намахнём и — распростимся...
Не по пути поэтам навсегда.
Моё, тобою проклятое, имя
Пускай тебя согреет в холода

Не мутною брагулькой на досуге —
Настоенным на родственной крови,
Смакуемым под причитанья вьюги
Вином братоубийственной любви.

* * *

Январской вьюги чувственные стоны.
Разбитого окна сквозной оскал.
Вновь вовремя явилась только полночь.
А ты опять — ты снова! — опоздал.

И не надеясь, видимо, на чудо
(А ведь оно бывает иногда!),
Услышать предпочёл: «Иди отсюда!» —
Хоть я сказала: «Идиот, сюда!»

Я не просила твоего вниманья
Вдали от злой насмешницы-мечты —
В том городке, которого название
И не пытался выговорить ты.

Однажды попытался и — запутался...
Чуть не сломал язык, махнул рукой...
И прочь побрёл ухабистою улицей
По городку над Волгою-рекой.

По городку, что местными хабалками
В дым обкумарен смрадом сигарет.
По городку, где фонари фингалами
Веками зверовато смотрят вслед.

По городку, где вьюжная метелица
Вскипает в подворотнях, как змея...
По городку, где очень слабо верится
В небесный смысл земного бытия.

По городку, где в списках ты не значишься
И значиться не будешь никогда...
...И городок вослед тебе таращится
Окном, разбитым вдрызг и навсегда.

* * *

Э.А.

Ты, кого я высотой окрыляла,
Далью манила, дразнила, влекла...
Ты, для кого я однажды упала
В мир, где царила полночная мгла.

Ты, для кого я сквозь сумрак окрестный
В вечность сбежала строптивой водой,
Не уловима тщетою телесной,
Не побеждаема смутой мирской.

Ты, для кого я себя созидала —
Жгла, леденила, сводила с ума.
Даже глагольной рифмою стала,
А ведь была от рожденья нема!..

Ты, в небеса выводящий из комы
Души несчастных братьев моих,
Вечно и всюду исконно искомый —
Несокрушимый классический стих!

* * *

Ликует Анталия. Нежится Ницца...
И только у нас в безрассудстве своём
Закатное небо меж туч кровянится,
И месяц серпом проступает на нём.

Есть галльское небо в изящном плюмаже
Несущихся за горизонт облаков.
Есть гуннское — цвета мерцающей сажи,
Под чьей паранджой скрыта поступь веков.

Античное небо, какому не внове
Пить воду с лица средиземных морей...
И — скифское — цвета запёкшейся крови
Закатное небо Отчизны моей.

То царский багрец разольёт над Россией.
А то полоснёт по глазам кумачом...
О твердь спотыкаясь ногами босыми,
Не тшусь подпереть его бранным плечом.

Не льщусь удивить его пением лиры...
Пред русскую бездной достойней молчать!
Гляжу в него взглядом обугленно сирым
И глаз не могу от него оторвать.

* * *

Что ты смотришь с надменной насмешкой,
Теребя белопенную ветвь?
Ну, рассмейся в лицо мне — не мешкай! —
Черноглазая дерзкая стервь.

Что тебе чья-то тихая нежность?
Не смутила пока что слеза
Щёк твоих первозданную свежесть
И колючие звёзды-глаза.

Всем ты в радость, и все тебе в тягость.
Без вины виноватых прости!
Ты ж моя ненагляда-загляда —
Это зеркало явно не льстит!

Разбивай покорённые души.
Рот змеиной усмешкой улыжь...
Только золото звонких веснушек
По ухабам чужим не рассыпь!

Сбереги для родного простора
И веснушки свои, и грехи,
И смешки, и словечки, что скоро,
Скоро вызреют в чудо-стихи.

Что мне твой скоротечный румянец,
Пламень губ, что сгорает дотла?..

Что мне хохота протуберанец,
Разбивающий вдрызг зеркала?..

В окруженье цветов белопенных
Ты покуда — никто и ничья,
Сколь заглядчива — столь же мгновенна,
Звездоокая юность моя!

* * *

Ныне и присно уже не приснится
(Разве во веки веков!)
Волга — усталая синяя птица,
Дочь голубых родников.

Ты ль не поила шальных атаманов?
Ты ль не топила княжон?
Не над тобой ли, от удали пьяной,
Царский штандарт водружён?

Так отчего же ты больше не вхожа
В странные песни мои?..
Азия, чёрная птица, итожит
Душу-добычу в крови.

...С чувством меня научившие, с толком
И с расстановкою петь,
Средняя Азия, Средняя Волга,
Встретимся ль, милые, впредь?

Да и какие вы средние, право,
Ежели не налегке
Насмерть форпостами русской державы
Встали в судьбе и строке?

И — рассчитались со мною сторицей...
Что ж, запевай «Бисмилля!»,
Окровавлённая хищная птица —
Азия, песня моя!

* * *

Велика кобыла — воду возит..
Сокол мал, но не тягаться с ним!
Срок настанет — сокол грянет оземь
И предстанет суженым твоим.

Он тебе напомнит, что когда-то,
Покидая свой небесный дом,
Ты была беспечна и крылата,
И негоже забывать о том!

Что ты в оправдание ответишь,
Суетясь попутно у печи?
Так, мол, вышло: народились дети.
Ну, а муж? Ищи его — свищи!

Да, была беспечна... Только печку
Ты никак не вправе укорять
Ни единым суетным словечком:
Не свекровь она — родная мать!

До всего всегда ей было дело.
Хоть пыхла сторяча порой,
Всё же приютила и согрела,
Наделив насущною едой.

Ну а ты, хоть и кидалась оземь,
Вновь крылатой стать не довелось..
...И судьба-кобыла воду возит
На тебе, обиженной до слёз.

* * *

Солнышки-подсолнушки.
Солнышки-ромашки.
Есть осколки солнышка
В неказистой кашке.

Солнечные зайчики.
Солнца половодье.
Пижма, одуванчики,
Облепихи гроздь.

На моём оконышке,
Почитай, всё лето
Расцветает солнышко,
Собрано в букеты.

Плодоносит солнышко,
Ставшее вареньем.
Свет его не тает
Даже днём осенним.

Свет — облизешь пальчики! —
Нынче к чаю подан
Мёдом одуванчиков,
Донниковым мёдом.

В чашке — не хотите ли? —
Солнышко-ярило,
Зимних чаепитий
Ставшее мерилom.

* * *

Причёска «Полюби меня, Гагарин!».
Поплиновые платяица в горох...
Неужто свыше этот день подарен,
Чтобы никто отнять его не смог?

Никто-ничто! Ни будущие слёзы
Предательски терзаемой страны,
Ни мужние похмельные угрозы,
Ни призраки космической войны,

Ни дети, ни морщины, ни седины,
Ни алименты — чёрт бы их побрал! —
Отнять не властны этот день единый,
Который — был! И самым звёздным стал!

...Смотри: лучась улыбчивостью кроткой,
От знойных взглядов заслонясь рукой,
Летят девчата к оренбургской «лётке»,
Благоухая «Красною Москвой».

Слетаются, как птички-невелички.
Хохочут и щебечут меж собой,
Верны исконной девичьей привычке
Везде искать небесную любовь.

Ах, здесь что ни курсант — то сокол-парень!
Крылатым помогает Оренбург.
Ах, кабы знать, какой из них Гагарин?
Он сам тебя узнает среди подруг!

Спешат девчата к оренбургской «лётке»...
И пусть не всем сегодня повезло:
Не вышли на свиданье парни-«слётки»,
Поставленные крепко на крыло.

А может, и не выйдут... Может статься,
Взлетели, улетели высоко,
Чтобы мечтою навсегда остаться,
Ведь без мечты на свете нелегко!

Ведь без мечты, до времени состарен,
Однажды рухнет мир, как в страшном сне...
Люби меня, как я тебя, Гагарин!
Люби меня, не зная обо мне.

* * *

Непогода за окном ярится...
Ночь долга, и Натали строга.
Запах флорентийского ириса
Осенил российские снега.

Мрачный Дант, Петрарка огнеликий
И любой, кто был хоть раз влюблён,
Знает незапамятные лики
Неприступных теремных Мадонн.

Вновь Пегас взлетает вдохновенно
В небо, где тесовое крыльцо,
Где сияет на руке нетленной
Звонкое заветное кольцо.

Свет небесный и непостижимый...
Сквозь шальной круговорот веков
На него летим... Но снова мимо!
Просиял вдали и был таков.

Там, где не видать во тьме дороги,
Вспыхнул лепесток черновика...
На полях выводит профиль строгий
Пушкинская смуглая рука.

* * *

Вновь — аптека, улица, фонарь...
Беспросветный безысходный Блок!
И над всем царит, как государь,
Душный плотный всемогущий смог.

Пожирая голубой простор,
Он сегодня с самого утра
По-драконьи крылья распростёр
Над державным детищем Петра.

Этот город, что тонул в воде
И огнём свободы полыхал,
Агрессивно-щелочной среде
Кто на растерзание отдал?

Город-сказка, голубой фантом,
Миражом завис над топью блат.
Конный деспот в небо вознесён,
Принимая призрачный парад.

* * *

Покуда над Ольшанкою
Серёжками красуется,
Жеманится, кудрявится,
Невестится ольха,
Над тихою Ветлянкою
Старушечьи сутулится,
Скрипит ветла засохшая,
Не чая жениха.

К уютной речке Вязовке
Удилищем привязанный,
Почуешь ближней Липовки
Медовый аромат.
Пусть небогата Вязовка
Налимами да язями,
И малому подлещику
По-детски будешь рад.

В одноимённой реченьке
Несмело отражённая
(Хотя неотразимую
Её зовут подчас),

Грустит краса-черёмуха,
Весной заворожённая —
Красавица, прекрасная
Отсутствием прикрас.

Как ни прекрасны Липовка,
Ветлянка, Таволжаночка,
Ракитовка и Вязовка,
Но всё ж напрасный труд —
Забывать, узрев единожды,
Речушку Черемшаночку,
Когда над Черемшаночкой
Черёмухи цветут.

* * *

Когда хоронили Россию мою
Помпезно, согласно и чинно,
Поникшие в сбившемся ратном строю,
Рыдали поэты-мужчины.

Забросив свои боевые клинки,
Прощались с Россией навеки.
В плену безутешной сыновней тоски
В гробу закрывали ей веки.

Сиротской слезой орошали они
Родные ракиты-берёзы...
А я? Что же я?
Бог меня сохрани!
Я лишь утирала им слёзы.

«Хоть сабля востра, да мечу не сестра...» —
Уныло кривились мужчины,
Когда намекала я им, что пора
В бою поразвеять кручину.

И вновь поминальный гранёный стакан
Горючей слезой закусили.
И так порешили: лишь тот атаман,
Кто слёзней скорбит по России.

А что же Россия?
Поминки поправ,
Восстав из хрустального гроба,
Она сквозь кордоны кержацких застав
Сокрылась в былинных чашобах.

Ведомая светом скорбящих свечей,
Ушла, не попомнив обиды,
На звон потайных кладенцовых мечей
От скорбной своей панихиды.

А я? Что же я?
На распутье стою
И слёзы друзьям утираю...
Не лучше ль погибнуть в неравном бою,
Чем вживе погинуть в родимом краю,
У гроба пустого рыдая?..

Хоть сабля востра, да мечу не сестра,
Но верному слову — сестрица.
И коли приспела лихая пора,
Пусть Вера Руси пригодится!

* * *

И ты называешь всё это судьбой,
Мой город степной на польном
просторе,
Что каждое наше свиданье с тобой —
Мой новый побег от тебя и не боле?..

Не слишком ли быстро, однако, бегу?..
А вдруг ты однажды меня не догонишь —
На льду оскользнёшься, увязнешь в снегу,
Пургой захлебнёшься, бураном
застонешь?..

И ты называешь всё это судьбой —
Что я, позабыв повседневную прозу,
Надменно несу на свиданье с тобой
Живого дыханья крещенскую розу?..

С тобою осталась навек зимовать,
Забывая мной в уютном домишке
Стихов моих первых сестрица-тетрадь,
Что позже прославит тебя, ставши
книжкой.

Зачем я тогда же её не сожгла?..
Теперь же, по улочкам снежным слоняясь,
Я б, может, гораздо счастливей была —
На радость друзьям и зоилам на зависть?..

* * *

На куриный переступ
Да на воробьиный скок,
Тьме кромешной дав отлуп,
Прибавляется денёк.

Впрочем, курица не птица
И не сокол – воробей...
Неумолчно вьюга злится,
Колобродит у дверей.

Хоть и ходит величаво
Зимовея за окном,
Но на смену ледоставу
Поспешает ледолом.

Скоро, словно неудачник,
Не снеся былых обид,
Лёд скукожится, заплачет,
С рёвом к Волге побежит.

Что, сердешный, отсиался,
Отыскрился под луной?..
Не топиться ли собрался,
Лёд Ледович дорогой?

Брызнет талою водицей,
Набираясь куражу:
«Не топиться, а родниться
С Волгой-матушкой спешу!..»

* * *

Негоже тебе, Русь, как бесприданнице,
Кидаться на восход и на закат.
Ты жди-пожди! Все женихи заявятся,
Благоговейно выстроившись в ряд.

Виконты и маркизы, и посланники,
Наслушавшись про кладези твои,
Из-за границ наедут голоштанники,
Чтоб клясться с пеной на губах в любви.

Растрачивать приданое готовятся...
Но если завтра ты пошлешь их в бой,
За честь твою и славу не сподобятся
Пролить ни капли крови голубой.

Богатое Бог дал тебе приданое.
Не каждый встречный будет ко двору.
Храни же первородство Богоданное
И ройся в женихах, как бы в сору.

Своими заграничными уловками
Тебя начнут к взаимности склонять —
Духами, золотыми блохоловками —
Тех блохоловок даром нам не нать!

На что, скажите, русской раскрасавице
На шею надевать такой позор,
Коль от рожденья бани не чурается
Маркизам заблошнившимся в укор?!

...Надменный бритт и сумрачный германец,
Спесивый лях и куртуазный галл...
Ужо мы с женихов попустим глянец
И поглядим, какой из них удал!

* * *

С южным ветром встречается огненный ветер
востока,
И, обнявшись, идут шалобродить в окрестных лугах.
Растревожат и разбередят молодую осоку,
И заснут у задумчивой ивы в зелёных кудрях.

Убаюкает их, приголубит печальная ива,
Хоть никто из двоих ей не сужен, не нужен, не мил...
Но легко ли одной коротать бабий век у обрыва,
Вспоминая Борея, который недолго любил?..

Не ему ли так буйно влюблённая ива махала ветвями,
Раскрылится мечтая, законы природы поправ?..
Окликаема с горних высот отлетающими
журавлями,
Корень свой прокляла, но смирить не сумела свой
нрав.

С той поры не пленяется ива дыханьем далёкой
Тавриды
И гортанным распевом восточных ветров...
Ей милей
Ледяное лобзанье посланца суровой Арктиды
И венчальный убор, что сулил ей,
расщедрясь, Борей.

Посулил и забыл, и умчался далече до срока
Обряжать в подвенечное платье просторы земли...
Плачет старая ива.
Грустит молодая осока.
С южным ветром в обнимку
Собираются в путь журавли.

* * *

Когда я из глубинной дали
Клянуп тебе, моя Москва,
Услышь в лирическом запале
Произнесённые слова.

Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглошшая от грая,
Меня на рубеже веков.

Сорвётся стаей соколиной,
По ходу выстроившись в стих,
Призыв о доблести былинной
С воспламенённых уст моих.

Не стон, не всхлип и не рыданье.
Не о пощаде жалкий торг.
А из-под сердца восклицанье:
«Я русская! Какой восторг!»

* * *

Во первых строках моего письма
Отпишу тебе, мой родной Яик:
Стосковалась я по тебе весьма,
Да и ты, поди, от меня отвык.

Были многие мне — полынь-судьбой —
Ни напевные, ни сугревные.
Повенчалась я лишь с одним тобой,
Одному тебе стала верною.

И во дни, когда благодать да тишь,
И во дни, когда худо-тяжко мне,
Ты, Урал-Яик, в глубине таишь
Дар венчальный мой — перстень яшмовый.

Ты его храни, сквозь него теки.
Разлучают нас — зря стараются!
Есть твои друзья, есть мои враги —
Только нет между ними разницы!

Утечешь вперед, поворишишь вспять,
Воскипишь гневливыми волнами...
Ну куда тебе от меня бежать,
Если мною ты окольцованный?

* * *

О, Русь моя! Уже который год
Окутана предательским туманом —
Прицельный взгляд из-под бровей врзлёт —
Ты ждёшь засадный полк на поле бранном.

Пурпуром царственным горит твоя заря,
Всё предвещающая — беды и победы.
От Калина до Сталина-царя
Безбытностью была твоя безбедность.

Не меч, не щит, не сабля, не топор,
Не ось тележная пугают свору бесью —
Её страшит твой скорбно-синий взор,
Молитвенно пристывший к поднебесью.

Казалось бы, мелькнул и снова нет
(В свинцовых тучах безвозвратно скрылся),
Но страшен бесам неотмирный свет,
Что на тебя хотя б мельком пролился.

О, Русь, ты заслужила этот миг,
Оплаченный веками слёз и горя!..
С тобою Михаил Архистратиг,
Илья Пророк, Георгий Змееборец...

Омыта светом, станешь вновь собой.
И луч, как меч, разгонит бесов ада...
И не проигран с тьмою смертный бой,
Пока с тобой небесный полк засадный.

Междуречье

Пусть долог день до вечера,
Но весь свой краткий век
Двунадесять наречиям
Учусь у русских рек.

Без фальши и без пафоса
Столетия подряд
По-родственному запросто
О русском говорят.

Былинами и сказами
(Когда их ни спроси!)
Они всегда по-разному
Расскажут о Руси.

...Татьянка-раскрасавица
(Подобной не сыскать!)
Расскажет, как покается:
Ей пращур — древний тать.

— И если молвить искренне
С собой наедине,
То не Татьяна искони —
Татьяша имя мне!

...Криуша — речка-умница,
Как павушка плывёт.
И хоть слегка сутулится,
Да всех звончей поёт.

...Здесь каждый раз, как заново,
По камушкам журча,
О войске Тамерлановом
Расскажет Кондурча.

Гласят преданья старые
(Поди их позабуди!):
Монголы здесь с татарами
Сходились грудь на грудь.

С плеч падали головушки,
Кинжал пронзал доспех...
Лилась рекою кровушка —
Равно красна у всех.

...Самарка востроглазая,
Ужель молчать невмочь?
Разбойными рассказами
Мне сердце не жесточь!

...И только Гавень-реченька
Меж клёнов и раakit,
Чуть выронив словеченько,
Сокрыться норовит.

— Мне имечко — стыдобушка,
Аж совестно носить!
А всё они — коровушки
Да овцы, волчья сыть!

Ой, Гавень, дурью маешься
В неведение своём.
С чего ты прибедняешься,
Что твой исток — назём?

С наигранною робостью
Журчишь, свой нрав тая.
Но паче лютой гордости
Униженность твоя!

Легендами лукавыми
Себя не ставя в грош,
На месте древней гавани
Ты попросту течёшь.

...О, реченьки безвестные!
Глубокой старины
Предания поместные
В их именах слышны.

Здесь вырос между реками,
Безвестными допрежь,
Григория Засекина
Сторожевой рубеж

Смирная дерзкой смелостью
И запад, и восток,
Восстал былинной крепостью
Самара-городок.

Он пахотными весями
В степную землю врос —
Святителя Алексея
Пророчество сбылось!

* * *

Почто, луна-подруга,
Кручинишься-хандришь?
Из замкнутого круга,
Небось, не убежишь!

Из нас, незнаменитых,
Кто участи избег
По заданным орбитам
Крутиться целый век?

Рассеянно среди ночи
Ты сеешь мерклый свет...
Да, видно, он не всходчив,
Коль всходов нет как нет.

Овеянное славой,
Горящее огнём,
Да что нам солнце, право?
Есть пятна и на нём!

То ослепит всем очи.
То, щедрое на зной,
Всем надаёт пощёчин
Монаршею рукой.

Нет в мире идеала...
Печальная луна,
Дианочка-Диана,
Замужняя жена.

Нам, человечьим жёнам,
Господь наш попустил
Быть светом отражённым
Неласковых светил.

Но, коль мечтой поэта
Господь судил нам быть,
Хоть отражённым светом
Обязаны светить.

* * *

Вай, лукавый восточный базар,
Как умильно в глаза ты глядишь!..
Расхвалив залежалый товар,
Под прилавком считаешь бакшиш.

Тянешь в тощий хурджин всё подряд,
Причитая попутно: «Вай-вой!..»
И томится дородный сефард
Над своею прогорклой халвой.

«Вот сладчайшая в мире халва!..» —
Зычно он зазывает народ.
Лишь слышу такие слова,
Хинной горечью полнится рот.

Снисходителен мудрый Аллах:
Он сквозь пальцы взирает с небес,
Как земной попираешь ты прах,
Свой торговый блюда интерес.

Переливом хивинских шелков
Обовьёшь, ослепишь, обольстишь.
Терпкой зрою приправишь палов,
Дашь попробовать сладкий кишмиш.

Словно всё не во сне — наяву.
Словно с сердца спадает броня...
...Азиатское детство — ау! —
Заблудилось, забыв про меня.

* * *

Я не корю тебя, какой ты стала,
Рассвет-рубаху износив дотла.
Я просто никогда не забывала,
Какой ты в дни величия была.

И сквозь твои истерзанные смутой,
Тщетою искажённые черты
Прозреть пытаюсь не сиюминутный,
А первозданный образ красоты.

Новейших богомазов вдохновенье —
О, даже их судить я не берусь! —
Не более, как только наслоенья
Твоей иконописности, о Русь!

Прицельные плевки, смешок Иуды,
Лукавые натёки бытия...
Но чудом проступает из-под спуда
Душа святая чистая твоя.

Вся суета сует с тщетою вместе
Не в силах были справиться с тобой —
С твоей лазурью горней и чудесной
И солнечною охрой золотой.

* * *

То полбеда: мигранты на базарах
Нам нашу же картошку продают.
А то беда, когда в Кремле хазары
Законы людоедские куют.

То полбеда — угрюмые шахиды.
Ведь с их угроз наш дух велик возрос.
А то беда — елейные хасиды,
Россию распродавшие вразнос.

Но паче бед, отчаяний всех паче —
Мы сами, современники мои,
С чьего согласия — и никак иначе! —
Россию топят в собственной крови.

* * *

*Скучный город скучной степи,
Самовласть гнусный стан,
У ворот острог да цепи,
А внутри – иль хам, иль хан.*

**Аполлон Григорьев
об Оренбурге**

Мой Оренбург, ну в чём ты виноват?
В том разве, что с завидным постоянством
Ты в клещи раскалённые зажат
Меж пошлым хамством и надменным
ханством.

Печально прав прославленный поэт —
Опально-ссылный Аполлон Григорьев,
Что не бывало отродясь и нет
Поэту доли среди твоих подворьев.

Купецкий фарт тебе от веку дан.
Всё остальное для тебя нехстати.
Здесь хама презирает гордый хан,
И ненавистью ханству хамство платит.

Но лишь поэта поведут на казнь,
Виня во всевозможных окаянствах,

Мгновенно исчезает неприязнь
Меж пошлым хамством и надменным
ханством.

О, как они едины в этот миг —
И хам, и хан, клеймящие поэта...
Увы, мой город, вовсе не из книг
Мне довелось узнать однажды это!

* * *

Ворчит, проснувшись по весне, Вазуза,
Таская с шумом льдины до утра:
«Мне Волга – просто лишняя обуза.
И уж никак не старшая сестра!

Пора вставать, а ей и горя мало.
Покуда я тружусь, забыв о сне,
Она под белоснежным одеялом
Ещё не шелохнулась по весне.

Ну до чего сильна поспать сестрица!
Я вся в трудах, а ей и невдомёк.
Всем прочим сёстрам нечего дивиться,
Что всех нас шире стала поперёк!

До морюшка Хвалынского далёко...
Я первой встала, пусть она лежит.
Поди, забыла уговор наш строгий:
Главнее та, что первой добежит...»

Вот так – ворча, бурча и задыхаясь –
Вазуза-речка шустро вдаль текла.
Свою пустую суетную зависть
Осилить и дорогой не могла!

...И вот, хоть пробуждалась очень долго
Царевною, привыкшею ко сну,
Небесной синью полыхнула Волга
И призвала с небес на Русь весну.

Крутя турбины и таская грузы,
Слагая песни, Волга вдаль плыла.
И долгий путь завистницы Вазузы,
Играючи, за день перемогла.

Не выронила бранного словечка,
Поскольку им с сестрицей по пути.
Но царственно себя Вазузе-речке
Позволила до моря донести.

* * *

Цвёл над Россией маковый закат.
По небу плыли облачные струги,
Когда Никола Зимний – волчий сват –
Сосватал нас под песнопенья вьюги.

Сосватал не на сладкое житьё –
На битву, на молитву, на победу.
И всех мастей шальное шакальё
Пустил по окровавленному следу.

Уж тут не до Рождественской звезды!
Дожить хотя бы до солнцеворота...
Мы шли во мраке, путая следы.
И шла за нами дикая охота.

Да где ж ты, Спиридон-Солнцеворот?
Да сгинет нечисть под лучами солнца!
Но всё всегда приходит в свой черёд:
Так на Руси из века в век ведётся.

Тогда хоть ты, чужда добру и злу,
Луна (сиречь античная Диана),
Взойди на небо, разгоняя мглу,
Казачьим волчьим солнцем окаянным!

Лирической кокеткой не грусти.
Откинь тумана кружевного полог!
Зовёшься волчьим солнцем – так свети
В ночи тому, чей путь тернист и долог.

* * *

Песню и плач переплавили и перепутали
 (Знамо, на Волге на то, отродясь, мастаки!)
 Девка, идущая замуж,
 Метель в неприкаянной удали,
 Певчие в храме,
 Бредущие вдаль бурлаки.

Вкруг аналой обходя даже об руку с милыми,
 Плачем заране: опять в русском небе ни зги...
 Русская воля закатными писана вилами
 По жигулёвской стремнине в районе
 Самарской Луки.

У атамана Барбоши спроси, сколь сладка она,
 волюшка?
 Лишь усмехнётся печально в ответ гулевой атаман.
 Свистнет в три пальца, буй-ветром закатится
 в полюшко

И — поминай, яко звали...
 Ан явится снова незван!

Заревом вспыхнет опять гость
 желанный-непрощеный...
 Чтобы податься за Камень за волюшкой
 горькой! Так нет!

Кровью исходит закат над Поляной
 Барбошиной,
 Заревом-кровью исходит над нею рассвет.

...Волга родная, какого ни попадя аспида
 Встарь прибывало волною к высоким твоим
 берегам.
 Вверх до Валдая да вниз до могучего Каспия
 Песни об этом поются — аж слёзы текут по щекам.

* * *

Прощай, моя юность! Отныне,
Вдогонку слагая стихи,
Молчанью учусь у пустыни,
А пенью — у Волги-реки.

Ей сердце вручила навеки
Своё — не за стать, не за прыть! —
За то, что строптивые реки
Умеет она приручить.

За то, что, чураясь гордыни,
Великая Волга-река
Ни в жисть от себя не отринет
Ни воложки, ни ручейка.

Да что ручеёк? Примечай-ка:
Спесивая речка Москва —
Столичная штучка, зазнайка —
Напиться из Волги пришла.

Бочком — где канальцем, где шлюзом —
Охочая к Волге припасть...
Пей, милая! Ты не в обузу!
Напейся и вдосталь, и всласть!

* * *

Мне в преддверии зимы
Вновь октябрь возвращает
Листья, взятые займы
У восторженного мая.

За весенний изумруд
Щедро платит ржавым золотом...
Листья по реке плывут,
Чуть дрожа на перекатах.

Череда осенних дней
Всё ненастней и короче...
Нету моченьки моей!
Помоги мне, речка Моча!

Не спеши безмолвно прочь,
Как чужая — мимо, мимо...
Научи, как перемочь
Зиму, что неотвратима!

* * *

Осторожно вельможно светает...
Ты, проклявшая все дожди, —
Этот снег никогда не растает! —
Не сиди у окна и не жди.

О, не ты ли, презревшая негу
Субтропических отчих широт,
Отдала свои помыслы снегу,
Втайне веря: взаимность придёт!

И, презревши земные запреты,
Воплощая в реальность мечты,
Небожитель блистательный этот
Снизойшёл до тебя с высоты.

Он ложился другим на ладони,
Заставляя тебя ревновать...
Не его ль, что ко всем благосклонен,
Ты губами пыталась поймать?

Не ему ли в различных обличьях
Ты в душе возвела пьедестал?
Исполнением желаний девичьих
Не тебя ли Господь наказал?

Ты страдала, рыдала, томилась.
Ты мольбы возносила судьбе...
Своего ты однажды добила —
Ты его привязала к себе.

Пусть искрится, флиртует, порхает,
Пусть бросается под ноги дам...
Он тебя всё равно не оставит,
Сединой прикипевший к вискам.

* * *

Синеглазая беглянка,
Честь тебе ль не дорога?
Раскрасавица Татьяна —
Раскрутые берега!

И не токмо огородник,
Что взопрел в курной избе,
Никакой рыбак-охотник
Не подступится к тебе.

Бродят в поисках местечка
И буробят, лишь спроси:
«Есть сговорчивее речки,
Право-слово, на Руси!..»

Дарят ласковым словечком,
Бережок у них не крут...»
...Только что-то к дурам-речкам
Всё едино не идут!

Утомившись понемногу,
Отступиться не хотят.
И Татьянку-недотрогу
Всё ославить норовят.

Да Татьянке дела мало
До заезжа молодца.
Век бежит, куда бежала —
Не шелóхнется с лица.

И опять ей вслед некстати
Зашипят про колдовство,
Душегубцев всех и татей
Позапишут ей в родство.

Обзовут в сердцах Татъёшей,
Топнут на неё ногой...
Где ж Татьянке слыть хорошей
Благонравною рекой?

* * *

Ой, да ты ж моя древнёшенька
Древнёшка-древнёшенька!
Что избушка – то хороминка.
Красно солнышко кокошником.

Ты младёшенькой красавицей
На угор крутой взобралася.
Отразилась в речке-старице
И собой залюбовалася.

Утекли в реке столетия...
Ты теперь глядишь неласково,
Всласть вкусивши лихолетия
Ляховитско-басурманского.

Не обиженная доблестью,
Укреплялась ты пред битвою
То кольём, дубьём, оглоблею,
То крестом, постом, молитвою.

Зоревая и вечерняя,
Ты в наследство мне досталася.
Но любовь моя дочерняя
Не с погляда зачиналася!

Заскрипишь крылечком стареньким
Да затеплишь утро тусклое,
Поведёшь узорной ставенькой –
Вмиг отгадет сердце русское.

* * *

В пламени российского пожарища
Догорай-гори, плакун-звезда!..
Были все по счастью мы товарищи,
Стали по несчастью — господа.

До того свободы мы возжаждали,
Что вдруг перестали понимать,
Что не по-товарищески, граждане,
Господами нищих называть.

Не иначе как звучит насмешкой
(Ибо за душой-то ни гроша!)
С препохонным матом вперемешку
Это обращенье — госпожа.

Впрочем, ни к чему стенанья-жалобы.
Нам от веку, стать, не привыкать:
На Руси не в деньгах счастье, стало быть,
Счастья на Руси не занимать!

* * *

На кобылу всадницу променяв
(Знать, в кобылах ты знаешь толк!),
Ты забудь, забудь про меня
И про то, как ты одинок.

Увлекайся, по скачкам ходи.
Ведь бывает спасительной ложь!
А мечту схорони в груди —
Не тревожь её, не тревожь!

Никого в случившемся не вина,
Не вступай в смертельную эту игру.
Позабудь пришпорившую коня,
А люби кобылу гнедую Фру-Фру.

Тёплой мордой ткнётся в твоё плечо
(Много ль надо расставшемуся
с мечтой?)...
Ты целуй, целуй её горячо,
Как не смел меня целовать, друг мой!

* * *

Не нужно ни роз, ни левкоев...
Давайте сбежим наугад
В страну травяного покоя,
В неистовство знойных цикад.

Сбежим к белопенным ромашкам,
К паслёну, что буйно возрос,
К наивно-кокетливым кашкам,
Что краше левкоев и роз!

И вы согласитесь со мною,
Какая и впрямь благодать —
В объятых июльского зноя
На тихой опушке лежать.

Отвергнув помпезные фижмы
Хрустящих обёрток цветных,
Здесь царствуют гордые пижмы
В своих одеяньях простых.

О, дикорастущее царство!
Пожалуй немного цветов:
От болестей мира — лекарство,
Венок для девичьих голов.

На Богом забытой опушке
Цветёт, политесы поправ,
В хрустальной оправе речушки
Содружество солнца и трав.

* * *

Загулял, однако,
На шальном пиру
Калин-царь, собака!
Яндекс. Точка. Ру.

То ли от побоищ
Калин злобно рьян?
То ли от попоищ
Калин — гулеван?

Калина жесточе
Не было и нет:
Русь довёл до точки,
Чёрен белый свет!

Тягловую долю
Вервием леча,
Льёт потоки крови
Цвета кумача.

Льёт, не зная сыти,
Заливает свет...
И на челобитье —
Батожьё в ответ!..

...Тщится нашу драку
Превратить в игру
Интернет-собака.
Яндекс. Точка. Ру.

Но в стране восточной,
Стороне родной,
Усмехнувшись, точка
Станет запятой.

С этой запятою
Сгинем не зазря
Даже под пятою
Калина-царя.

За пятой, за пядью
Отчины-земли
Не чужие дяди —
Сродники легли.

Сумеречь да сутемь
Затевают спор...
Унывать не будем,
Русский наш топор!

В щак не уварился.
Строил лучше всех.
И не затупился
О чужой доспех!

* * *

Стою, озирая родные просторы,
И с Богом беседу веду:
— О, дай же мне, Господи, точку опоры —
Что перевернуть, я найду!

Что это за жалкая торба пустая
Лежит — не сворохнется здесь?
Маманя родная! То ж — тяга земная,
Родимой сторонюшки весть.

Не скрянется торба, с родимой землёю
Сроднясь с незапамятных пор.
Поди, разлучи их! Занятье пустое,
Будь даже ты сам Святогор!

Пред солнышком-князем,
Пред чинным боярством,
Пред всем богатырством честным
Не он ли вчерась на пиру похвалялся,
Что мне не соперничать с ним?

Да нет! Не горазд Святогор похваляться.
О том, кого хочешь, спроси.

Ему недосуг по пирам прохладиться,
Пока супостат на Руси.

А мы на пиру после жаркого боя
Сошлись, одолевши врага...
Не дорого нам угощенье хмельное,
А княжья нам честь дорога.

Медок княженецкий во братину лился...
Алёша Попович молодой
То силой, то напуском дерзко кичился,
Микула женой чернобровой хвалился,
Чурила — злачёной уздой.

Добрыня Никитич — и тот не сдержался:
Из ножен свой выхватил меч —
Мечом-кладенцом потрясал-похвалялся,
Держа богатырскую речь.

Но всех переплюнул Михаила Казарин —
Калёные стрелы достал.
Хвалился — Михайлушка
в том не бездарен! —
Какую почём сторговал.

Перёную белым пером лебединым
Сумел сторговать на пятак.
Перёную сизым пером соколиным —
За रुपь, а дешевле никак!

* * *

Не похвалялся, едучи на рать.
Не похвалялся, воротясь с победой.
С устатку сел, обнял старушку-мать,
Родной воды колодезной отведал.

Во глубину колодца заглянул...
И, вздрогнув от внезапного волнения,
Вода вернула ласково ему
Геройское — в медалях! — отраженье.

«Вкусна водица!» — крякнул и как есть
Всего себя он окатил водою —
Живой водой, что водится лишь здесь:
Колодезной, родимой, ключевойю.

Она текла, беспечна и вольна.
Она текла-текла, не утекала.
Не только по усам текла она,
Но золото медалей омывала.

Не зря живой в народе прослыла —
Она бальзамом врачевала раны.
И мёда слаще та вода была,
Что венчана с родной землёй песчаной.

Она роднилась с солнцем и тогда
Высокой тучей в небо поднималась...
Стремилась в Волгу отчая вода,
Текла сквозь пальцы, в руки не давалась.

...Была большая трудная война.
Душа солдата воевать устала.
Святой водой родная сторона
С души солдата копоть отмывала.

* * *

Искришься-лучишься, как полная чарка.
Слепишь и слезу вышибаешь из глаз.
Речушка-резвушка Сухая Самарка,
Никак ты в бега от родни подалась?

Постой, погоди-ка! Ну где тебя носит?
Бежишь без оглядки на отчий исток...
Неужто не ведаешь: отчине осень
Опять преподносит плачевный урок?

На большее и не способна — пусть плачет!
Не осени-плаксе тебя укротить.
Но всё холодней её слёзы, а значит,
Сухая Самарка, умерь свою прыть!

Степнячка-гордячка, смуглянка-дикарка,
Сестра-исповедница плачущих ив,
Ты не расплескала, Сухая Самарка,
Сквозь мудрость столетий свой детский наив.

Прощальный венок с безотчётной любовью
Дарю тебе, сняв со своей головы,
Подёрнутый охрой, забрызганный кровью
И тронутый золотом поздней листвы.

* * *

Били воблой по столу.
По стаканам пиво лили.
Всё рвались спасать страну.
Президентов материли.

Из закуски — хрен да шиш.
На столе — окурков блюдце.
Вот уж зашумел камыш.
Вот уже деревья гнутся.

Потерпи, Россия-мать!
Много ли ещё осталось?
Пива литров двадцать пять
На троих — такая малость!

Не качай камыш, река!
Дерева, замрите строем!
Вот сейчас рванём пивка
И — Россию обустроим.

* * *

Век серебряный. Сон золотой.
Медный всадник взлетел с пьедестала.
Я вослед: «Вседержавный, стой!
Не бросай меня здесь!..» — закричала.

Сиротой оставляешь страну
Ожиревшим вора на расправу...
Он с небес: «Ухожу на войну.
На тебя оставляю державу».

Пролетел восемнадцатый век,
Деятнадцатый век и двадцатый...
А с войны той и весточки нет.
Как он бьётся там с силой проклятой?

Его внуки на вражий редут
Буйны головы храбро сложили.
А за ними их внуки идут
Рядом лечь в общей братской могиле.

Нет, не видно ни края войны,
Ни конца вековой разлуки!
Нет, не слышатся с той стороны
Трубных маршей победные звуки!

Не смолкает сражения гром,
И ложатся за ротами роты...
Сколько можно ещё топором
Прорубаться в глухие европы?

Вновь архангел на небе трубит,
Громыкает крошечная битва...
Нет, никто на Руси не забыт,
Нет, ничто на Руси не забыто!

* * *

«Прости меня!..» — кричу вдогонь,
От ветра заслонясь.
Но в степь уносит чалый конь
Тебя, мой юный князь.

Уносит прочь мою судьбу
Твой верный чалый конь
С каурой вызвездью во лбу,
Рождённый для погонь.

Лишь ветер с губ моих сорвёт
Любви напрасный зов.
Небесной пылью занесёт
Певучий след подков.

И будет сниться в вещих снах —
Таких, что свет немил! —
Стремян порожних перезвяк
Да перезвон удил.

Когда же через тыщу лет
Обратно долетит
Прощальным эхом твой ответ:
«Родная, Бог простит!..» —

Приблудный ветер — твой дружок,
Что весточку принёс,
Покорно ляжет возле ног
И заскулит, как пёс.

* * *

Покуда брюзжало тайком диссидентство
В курилках, на кухнях за сытным столом —
Смеялось-искрилось счастливое детство,
И синие ночи взвивались костром.

Оно отсмеялось, оно отыскрилось.
Подёрнулось горестным пеплом утрат...
И не объяснит, как всё это случилось
Уже не товарищ, не друг и не брат.

Ужель нас за то упрекнёте? Едва ли!
Вы, дети великой и страшной войны,
Что не холодали мы, не голодали,
Что звонко смеялись и в ногу шагали,
Что самое лучшее время застали
Мы, дочери ваши и ваши сыны.

Вот так и живём с ощущеньем утраты
Огромной страны, превращённой в туман...
Мы не диссиденты и не демократы.
Мы, дети рабочих и внуки крестьян.

Не ждите от нас покаянья — пустое!..
В своей ностальгии отнюдь не вольны,
Мы дети советской эпохи застоя —
Желанные чада великой страны.

Загадка

Речушки забронировала льдом.
Деревьям шапки-шубняки достала.
Кого не утравила знобкой сталью,
Тех улестила звонким серебром.

Без рук рисует, без зубов кусает,
Рвёт за ухо на ледяном ветру.
Швыряет в ноги чудо-горностаи...
О, эта щедрость явно не к добру!

Пощипывает за нос ребятишек.
Девичий русый локон серебрит...
...Куплю побольше самых умных книжек,
Чтобы прочесть, пока она царит.

* * *

Глубинка русская, держись!
Трудись, родная, дотемна!
Такая, знать, приспела жисть,
Что ты столице не нужна.

Задорно заголивши пуп,
Кокошник сдвинув набекрень,
С любим залётным — люб, не люб! —
Ей нынче пировать не лень.

С любым, как с любым, в пляс идёт,
Весельем чумовым зайдясь...
Поберегись, честной народ!
Ей всё равно, что грязь, что князь.

Москва, Москва... Как та свинья,
Которой не до поросят,
Когда залётные князья
Её саму всю палят.

* * *

*Во всех ты, Душенька,
нарядах хороша...*

Богданович

Когда я, задыхаясь от бессилья,
В бреду кошмарном окунусь во тьму,
Ты мне приснишься, юная Россия,
Царевною в шатровом терему.

В сорочке из холстины белоснежной
И сарафана, сшитом по косой.
Склонённая над прялкою прилежно,
С тугою светло-русою косой.

Не модницей-кокеткой — бога ради! —
Блистающей французским декольте.
И не на пролетарской баррикаде
С измятой прокламацией в руке.

Примерь расшитый вешними шелками
Прабабкин сарафан, моя душа!
И ты поймёшь: лукавили веками,
Что ты во *всех* нарядах хороша!

* * *

Восторженный девичий возглас.
Озноб черёмуховых выюг.
Неплюевский кадетский корпус.
Весна. Присяга. Оренбург.

Эпоха верности старинной!
Замедли свой державный шаг
В кругу надменных кринолинов
И намертво скрещённых шпаг.

Пусть честь и доблесть, и победа
Ведут по жизни сыновей.
И чепчики взмывают в небо
Искристой стайкой голубей.

Где светом радужным лучится
Душа воскресшего Христа...
Она, святая голубица,
Как Русь цветущая чиста!

* * *

Друг о друга лбами медными стукнулись...
Ох, ты, эхо наших русских побед!
По-немецки, по-японски аукнулись.
По-английски получили привет.

Снова слышим от заморских зазнобушек:
«Ай лав ю, мон шер ами, хенде хох!..»
Значит, братцы, не сносить нам головушек,
Снова по миру идти без порток.

Угостим же всех отеческой водкою —
Ну, зараза, до чего же стройна!
Мы такие — по зазнобушкам ходкие.
Что Россия? Подождёт — не стена!

...Али недруги нас, братцы, поглазили?
Эх, Россия! Три пути — три сосны.
Меж Америкой, Европой и Азией
Запутались мы, России сыны.

* * *

Богу – свечка. Чёрту – кочерга.
Рай – воцерковлённым. Вольным – воля...
А тебе – раздетый донага
Бесприютный ветер в чистом поле.

Одичалый ветер-нелюдим
Вновь и вновь грозит тебе бедою.
Коль споймаешь – будет он твоим,
Буйный ветер, что пропах враждою.

Он таков. Ему не привыкать,
Не найдя на родине приюта,
Щедро мир раздором засевать,
Пожинать плоды вражды и смуты.

В храме свечи слёзные гасить.
Биться сизым соколом в оконца.
По станицам бешено клубить
Вихри, заслоняющие солнце.

Много ль, право, надобно ему?
Приголубь да обогрей дыханьем.
Да засунь в пустую котому.
Да утешь, как дитяtko, сказаньем.

Ибо в мире всё растёт во сне...
Спи, родимый, чутким сном объятый!
Вырастешь и на большой войне
Будешь своей родине солдатом.

* * *

Пылит ли зной, метёт ли снег —
Виновник бездорожий —
Идёт по свету человек —
Калика перехожий.

Подлунный волчий мир — тюрьма
Рождённому для братства...
Странноприимные дома
Иных созвездий снятся.

Бредёт, преодолая страх
И звёзды окликаю.
И вязнет в снежных облаках
Его нога босая.

Откуда он, такой-сякой —
Отшельник и острожник,
Таинственный земной изгой,
Божественный безбожник?

...Россия — странная страна...
В трудах земных измаясь,
По небу странствует она,
О звёзды спотыкаясь.

* * *

Под плач ночной самарской выюги
(Опять мне не хватило дня!)
Задумаюсь об Оренбурге:
«Мой город, как ты без меня?..»

Да и была ли, и была ли
(Я вопрошаю вновь и вновь)
Разлука наша без печали
И без взаимности любовь?

Что бесконечная разлука,
Когда украдкою, без сна,
Сладчайшая для сердца мука
Свиданья тайного дана?

Когда, кляня твои сугробы,
Я втиснусь, с поезда сошед,
В твой переполненный автобус,
Плацкартный комкая билет.

И проводница с верхней полки
Суровой щёткой — так верней? —
Сметёт печальные осколки
Девичьей памяти моей.

* * *

Гостить гожо — отгащиваться тошно...
А всё же хороша ты, мать-Москва,
Таких, как я, приبلудных-беспортошных,
Смеясь, прицельно бьющая с носка.

Хорош и ты, батяня добрый Питер!
От всей Руси земной поклон тебе.
Хоть все бока поободрал-повытер,
Так это ж ты совсем не по злобе.

Привет тебе, золушка-Самара!
Лицом ты также не ударишь в грязь.
Горящая неоновым пожаром,
Никак и ты в столицы подалась?

И то сказать, столичная наука
Лупить с носка, чужие драть бока,
С насока двери открывать без стука
Не понаслышке и тебе близка.

Бравируя своей столичной спесью,
Не убоившись Бога и греха,
Ты к малым городам своим и весям,
Как мачеха, надменна и глуха.

Раскрашенная вся и расписная,
Как шлюха, от бровей и до пупа...
Да что сказать?
Столица запасная,
Как девка загулявшая, глупа.

* * *

О, Россия моя, что случилось с тобой?
Этот снег никогда не растает!
Ну, а если растает — увижу с тоской:
Вновь из отчей земли прорастает

Там, где прежде шумела трава-одолень,
Врачевавшая русские раны,
Прорастает лихая трава-одурень,
Полоня и луга, и поляны.

Что за страшная здесь прокатилась орда,
Повенчав мою отчину с горем,
Что не только пшеница, но и лебеда
Сведены оказались под корень?

Да не выкурит нас из родных деревень
Дурь-трава, что хужей супостата!
Прежде вили из этой травы-одурень
Мы не только морские канаты!

Нас враги не однажды пытали на слом,
И не раз смерть косая косила...
Как сумела скрутить неразвязным узлом
Русь Святую змеиная сила?

Всё дано нам от Бога — и статность, и ширь...
Нашу удадь никто не обузит!
Где тот Муромец, где тот Илья-богатырь,
Что предательский узел разрубит?

* * *

Надменной Волги кроткое лобзанье
Босой ногою сладко ощутив,
Стою на берегу июньской ранью...
Щенком в колени тычется прилив.

Вовек себе не знающая равных,
Могучая свободная река.
Всё ей к лицу — надменная державность
И нежность беззащитного щенка.

Здесь ветерка сквозное дуновенье
Хранит пьянящий аромат ухи.
Здесь так легко в приливе вдохновенья
Стихия превращается в стихи.

Здесь хорошо, проснувшись спозаранку,
Босой к подружке-Волге прибежать —
Всё то, что не пристало горожанке,
Волжанке непоседливой под стать.

Шершавые мозоли наживая,
Без устали орудовать веслом.
По плёсам бегать, ноги обжигая.
Секретничать с прибрежным камышом.

Хоть он не сват, не брат мне, не приятель,
Я с волжским камышом накоротке.
Мне рядом с ним не стыдно, скинув платье,
Купаться по-русалочьи в реке.

И знать, что ни в одном из всех течений
Мне Волга — исповедница моя —
Не станет изрекать нравоучений,
Приняв меня такой, какая я!

* * *

Он пел:

«Мы наш, мы новый мир построим!..»

А после хмуро обращался к нам:

«Такие песни надо слушать стоя,

При этом руки вытянув по швам!..»

Таращили лазоревые глазки

Внучата, подступавшие к нему:

«Мы встали, дед! Рассказывай нам сказки

Про эс-эс-эр — великую страну...»

И восставала Фениксом из пепла

В рассказах деда — навсегда вольна! —

Летела в космос, побеждала, крепла

СССР — великая страна.

Омытая священным стягом алым,

Вставала краше прежнего она.

И — корчилась по кухням и подвалам

Бесовья диссидентская шпана.

Старуха, что слыла простой и кроткой,

Вдруг становилась строже и стройней.

И так гремела старой сковородкой,

Что все боялись подступить к ней.

* * *

Дерут друг друга за грудки

Поэты местного Олимпа...

А я смотрю, как у реки

Неспешно облетает липа.

Как пышно по весне цвела!..

Но вышел срок — она увяла.

Коллеги, не держите зла!

Я ни на что не намекала.

Решать не нам вокруг стола,

Кто переплавит в высших тиглях

Страданья — коим несть числа! —

Поэтов захолустий гиблых.

Тот, кто осип. Тот, кто охрип.

И тот, кто в драке изувечен,

Под сенью облетевших лип,

Собратья, помолчим о вечном!

* * *

...Морская канула в моря...

Цветаева

Кровавые рябины справа.
Плакучие берёзы слева.
Твердят: «Марина, Вы не правы!»
Тебе, Марина-королева!

Пеннорождённая морская —
В стихии тесной пресноводной
Обречена была такая
На смерть, чтоб снова стать свободной!

Ты канула... О, если б в море!
Прощай, прикамское приволье!
Но это горе — всё ж не горе,
Лирическое своеволье!

Не горе, что не пожелала
Дурной эпохе стать служанкой.
А горе, горе, что не стала
Елабужанкой и волжанкой.

А горе то, что не воспела —
Как только б ты сумела! — Волгу

За всех, кто за избытком дела
Века ей верен втихомолку.

Неизреченные напевы
Шального волжского прибоя,
Отвергнутая королева,
Ты унесла навек с собою.

* * *

Ты всегда как будто снег на голову...
Да кому в июле нужен снег?
Молча бродишь ты один по городу,
Всё ещё не веря в мой побег.

Пусть друзья из вздрогнувшего прошлого
Рюмку водки поднесут тебе...
Выпей молча за меня, хорошую!
Ведь была же я в твоей судьбе!

Выпей за меня, за непутёвую,
С кипюю стихов наперевес,
Что смеялась, запрокинув голову,
Смехом, долетевшим до небес.

Выпей за далёкую туманную
Полуотстранённую уже...
Да за жизнь свою за окаянную
На тридцатилетнем рубеже.

* * *

Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?
Как нам жить и быть теперь?..
Белокурый юный демон
Кофе мне принёс в постель.

Всё случившееся — в силе.
Всё у нас не как у всех:
Всю-то ночь проговорили
О стихах — и смех, и грех!

Нда, неладно что-то с нами...
Впрочем, может, хорошо:
Так мы увлеклись стихами —
До греха и не дошло!

Я, наверное, жестока.
Но не более, чем он.
Я люблю Сапфо и Блока,
Он — в Есенина влюблён.

Среди классиков не тесно
Нам — совсем наоборот!
Разобраться бы с небесным,
А земное подождёт!

* * *

Печальники и воины славянства!
В дни осквернённых свёрнутых знамён,
Во дни раздрая, смуты, окаянства
Спасает евразийское пространство
Сиянье ваших солнечных имён.

Покуда незатменно в небе солнце
И льёт на землю царственный покой,
То лишь ленивый всуе не смеётся
Над вашей божественной тоской.

Но в дни затмения да пребудут с нами
Олега щит и Святослава меч,
Орлёное распахнутое знамя,
Неспешная аксаковская речь.

Не из гордыни и не для забавы
Над бездной, даже падши, воспарим...
Славяне, обречённые на славу
Исконным славным именем своим!

* * *

Речушка, именем Светлынь,
Впадает в облака...
А по земле, щедра на синь,
Течёт Теплынь-река.
Между болот, между запруд
Упорно, не спеша,
Торит земной тернистый путь,
На небо не греша.
Вызванивает, серебрясь,
Излюбленный мотив.
И рассекает речку язь
Теченью супротив.
По дну Теплынь-реки пройдуся
(Какой уж тут загад!),
Сама не чаявши, споткнуся
О самородок-злат.
Знать, здесь прошёлся сумасброд
Ярило-удалец,
Роняя от своих щедрот
Девичам на венец.
И матушка Теплынь-река,
Неспешна и светла,
То подаренье на века
Для деток сберегла.

* * *

Улица сутулится под ветром.
Горбится под ливнем старый мост...
Ну, а я бегу, считая метры
До того, что невзначай сбылось.

Зонт мой нераскрывшийся, что дальше?
Я не пожалею ни о чём,
Вымокнув под самым настоящим,
Самым майским проливным дождём.

Друг, меня предавший, ну и как ты?
Не печалься, что продешевил!
Нынче у меня достанет такта
Сделать вид, что ты меня простил!

Рыжий, словно око светофора,
Кот, глядящий ночью в лица звёзд,
Привязался, чтоб отстать нескоро —
Прихвостень, а в сущности прохвост!

...На сыром ветру роняя блёстки
Всем случайным-неслучайным вслед,
Ты дождись меня на перекрёстке,
Долгожданный мой зелёный свет!

* * *

Москва, люблю твою сирень,
Что возле университета
Цвела в застойный майский день,
Будя в душе моей поэта.

То пятизвездие цветов
Благоуханнейшей сирени
Сулило больше, чем любовь —
Сулило сладость вдохновений.

Прилежно чту науку ту
Конца двадцатого столетия —
Сквозь смуту, морок, маету
Цвести победным пятицветьем.

...И душу сквозь родной раздрай
Доселе озаряет светом
Тот яростно цветущий май,
Мне ставший университетом.

* * *

Ромашка, кашка, пижма, девясил.
Мордовник цвета воронёной стали.
Плакун-трава, угрюмый чернобыл...
Российских междуречий разнотравье.

Цветущий вьюн в обнимку с лебедой —
Лебёдушке своей влюблённый сторож.
И — царственно встающий над травой
Татарника пурпуровый околыш.

Прострел качает раненым листком.
Исходит ароматом медуница.
А под бурьян-травую испокон
Буян-трава мятежная таится.

Здесь, где авось смешались и небось,
А кровь ристаний — с брагою пирушек,
Всё было, сплыло, слыло и сбылось,
Увековечась в говорах речушек.

Болтушками те речки не зови!
Их речь о том лишь, как в живых остались.
В них столько русской пролито крови,
Что и враги порою содрогались.

Испив из речки, восклицали: «Кан!..» —
Что означало «кровь» на их наречье.
И каплей крови прорастал тюльпан —
Свидетель евразийской страшной сечи.

А рядом, скорбной розни вопреки,
Проклятой розни — тюркской и славянской,
На берегу сибирской Кан-реки
Рос в небо город, наречённый Канском.

Вячеслав Люмый

МАТЬ-И-МАЧЕХА

Город в поэзии Дианы Кан

Станьте вы, горы, по-старому...

Стих о Егории Храбром

*На родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног.*

Диана Кан

Мать-и-мачеха — многолетняя трава с яркими жёлтыми цветами и большими листьями, одна сторона которых пушистая, кажущаяся тёплой при прикосновении к руке, к лицу (мать!), другая — гладкая, холодная (мачеха!).

Толковый словарь русского языка

В современной русской поэзии пространство города неуклонно расширяется. В отличие от более консервативной деревни, город проявляет себя в культуре, ломая традиции прошлых веков и утверждая собственный закон, который при всех его просвещенческих достоинствах может быть именован как «анти-традиция».

Вместе с тем город — важнейшее звено государства, и это нужно воспринимать как задачу, обязанность, социально-культурную функцию, которую необходимо не только исполнять, но и в полной мере ей соответствовать.

В поэзии городская лирика в последние годы ушла в интеллектуализм, накопление бытовых примет частной жизни, в отчаяние одинокой души и, по существу, в изгнание любящего сердца из пределов дисгармоничной реальности. О важнейшей заботе города, призванной объединить малые и дальние земли, расширить местные пространства до границ «земли русской», в поэзии речь идёт довольно редко и, как правило, вполне декларативно. Словно бы ушло ощущение просторов необъятной родины, и возобладаало своего рода местничество, которое, перефразируя историческую терминологию, можно назвать «патриотической раздробленностью».

В отличие от города, неотделимого от собственного имени, деревня во многом лишена тщеславного «яканья» и в значительно большей степени может восприниматься как малая часть родной земли и её полноправный представитель. В песне ли, в стихотворении — ведущий речь не «о себе любимом», но о корне народном, который пронизывает русскую почву от севера до юга и от востока до запада.

«Деревенская» и «городская» современная отечественная поэзия соседствуют одна с другой, но их приметы совершенно не сливаются, не переплетаются тематически и пейзажно, нравственно и социально. Город увлечён деструкцией современного сознания, деревня всё более отдаляется от государственной риторики и погружается в самое себя. Психологические пограничные линии, отделяющие горожанина от деревенского жителя, становятся всё более жёсткими. Они могут восприниматься как духовные трещины русской цивилизации, как симптом разрушения общей нравственной традиции и знак возможной гибели русского мира. В этих обстоятельствах на художника ложится бремя метафизической ответственности за развитие событий. Он может и должен сдерживать разрушительные процессы, будто обручем, стя-

гивая своим талантом города и веси, воспринимая родину как единую и неделимую, как пространство, в котором вся душа его изначально растворена.

В этом контексте поэзия Дианы Кан предстаёт как явление уникальное. Практически весь корпус её стихотворений связан с русским простором. Реки, леса, поля, горы, монастыри, посёлки, большие и малые города, столицы — надо всем этим многообразием будто парит взор автора, опускаясь, подобно птице, в своё гнездо и осваивая окрестности. Однако города в стихотворениях Кан показаны не только ярко, выразительно — их облик обладает собственными духовными характеристиками, социальными повадками, душевными пристрастиями. Используя олицетворение, поэтесса наделяет город узнаваемыми человеческими чертами и создаёт портрет поразительной психологической глубины. В памяти читателя такой образ остаётся как живая фигура, отчётливая и незабываемая. Наряду с реальными людьми «живые города» участвуют в житейских коллизиях и совершают поступки, которые отражаются в зеркалах истории и мифа. Лирическая героиня беседует с городами порой очень жёстко, иногда — сочувственно, прощая прошлые личные обиды.

Стихотворений, связанных с темой города, у Дианы Кан около трёх десятков. В них соединены пядь земли и государство, чувство почвы и звание столицы. Связывает стихи в одну тематическую линию, главным образом, биография автора. Маленький провинциальный азиатский город, где прошли детство и юность; Оренбург, окрашенный впечатлениями молодости; Москва как литературный мегаполис, место учёбы и творческого взросления; Самара, где окреп талант, появилась семья; Санкт-Петербург как старый имперский центр на карте России...

Маленькие города уже укладом своим склоняют жителей к трезвости ума, житейскому рационализму. В провинции героиня «научилась терпенью и мужеству», «научилась не петь, не упрямиться и не видеть несбыточных снов...». Однако здесь мечта укрыта от постороннего взгляда во вну-

треннем мире юного сердца: «В тридевятиом — моём! — королевстве так высоко плывут облака». А в отсутствии снежной белизны, которая сойдёт весной, «ничего не останется в этом городе душных ветров» — ничего, что хоть как-то похоже на идеал.

Спустя годы она возвращается сюда и, словно пытаясь преодолеть барьер прошедших лет, переодевается «в штопаное штапельное платье <...> что хранится в стареньком комод»: «Южный город на семи ветрах, принимай меня в свои объятия!..» Однако слияния давней юности и настоящего времени не происходит, поскольку началась совсем иная жизнь, для которой теплота, братство утратили прежнее значение: отвергнуто «всё, что в нашей молодости было, где братались русский и узбек, отворяя голубые жилы». «Статный и везучий» по нынешним временам, родной когда-то город отделяет себя от героини, вцепившись «в подол яростной верблюжьей колючкой», напоминающей пограничную проволоку. Упрекая его в отчуждении и жадности, в забвении давнего единения, лирическая героиня говорит от лица щедрого на труд и дружбу русского человека. И здесь — не упрёк узбеку, а самоопределение автора.

Приехавшая «гостьей в детство», она чувствует себя лишней в распорядке, который продиктован простыми бытовыми заботами. Тем не менее в них есть небесная ширь и высота: в зоне прямого доступа, чтобы можно было, попросту говоря, дотянуться рукой. «В узеньких арыках весела вода» — это образ животворящей влаги, хранительницы жизни, что так свойственно засушливому востоку. Но также и образ скромной колыбели будущего художника, у которого потом всё станет другим — и широта, и высь, и духовное чадородие...

В маленьком городке как-то странно соседствуют замкнутость и готовность довериться приехавшему. Здесь есть терпение, необходимое для «примерки» пришлого к себе, себя — к пришлому.

Захудалое чахлое деревце —

Дочь скупых каракумских пустынь —

*Здесь джида со мной ягодой делится,
Руку робкую тянет полынь.*

У Дианы Кан внутреннее отношение к городу охватывает почти всегда целый спектр чувств. Творческое одиночество художника, погружённого в житейские заботы, обычные для глубинки, проговаривается с несомненной горечью. Простые люди этих мест упоминаются всегда с добротой. И, словно воспаряя над скромным поселением, поэтесса с удивительной нежностью пишет:

*Городок обетованный!
Пусть тебя на карте нет —
Здесь восходит несказанный
Победительный рассвет.*

Она уподобляет горстку домов и улочек ребёнку («ты по-детски сладко спишь»; «ты обиженно бормочешь, разметающийся во сне»; «не затепливай окошки — подрастёшь авось во сне»). Торжество рассвета становится и образом раскрывшегося таланта поэтессы, и знаком возрождения России через провинцию («здесь восходит»).

Примечательно, что многие стихотворения Кан имеют, казалось бы, локальную привязку к местности и событиям, негромкое звучание. Но с течением времени её творчество наполняется невероятным множеством примет, укрепляется художественная толща созданного автором. И эти отдельные, конкретные штрихи и детали приоткрывают своё отвлечённое значение — символическое. В них будто возникает какая-то новая прозрачность и мелодичность, слова стихотворения обретают надмирное эхо, одновременно сохраняя связь с земным, реальным и дорогим миром. Стихи словно становятся на своё место в расширившейся поэтической вселенной, обретая объём, в котором каждое стихотворение может существовать без утеснения другими.

Впечатление разлетающихся галактик после Большого Взрыва, когда пространство развернулось, время начало свой ход, жизнь стала являться повсеместно в разных фор-

мах. И целое получило возможность сообщать частному универсальные черты...

В стихах Дианы Кан слово «родина» соединено с городом Оренбургом, где произошло её рождение как русской поэтессы. Заметим, узбекский Термез, где она появилась на свет, практически никогда не сочетается с этим корневым понятием, но упоминается в стихах как место, где прошли детство и юность. С Оренбургом связаны многие коллизии стихотворений Кан, в центре которых её литературное становление, взаимоотношения с творческой средой, восприятие своего рода «повадки» города, его пейзажи, любовь, боль. Как правило, оренбургские строки у Кан — возвращение в прошлое, воспоминание, в котором всё, что было прежде, предстаёт в кристальном виде. Упрёк и сердечность звучат почти одновременно, как в семье, когда доброта сменяется обидой, однако родной круг не разрывается.

*На родину, которая до срока
Сказала мне: «Вот Бог, а вот — порог!..»
На родину, которой одиноко,
Спешу я, под собой не чуя ног.*

*Туда, где сладкозвучнее сирены
Те, кто мне был когда-то в душу вхож...
Где друг мой Хомутов с лицом гиены
Всё точит на меня свой ржавый нож.*

*Туда, где я сама всему виною,
Но где ещё душа моя светла.
Где под степной ковыльною звездой
Я не умела долго помнить зла.*

*Туда, где, не нашедши оправданья,
Слезой вспять седой Яик течёт...
Где над могилой мамы — звёзд мерцанье...
Всё остальное, право же, не в счёт.*

Стоит отметить важные акценты в этом своеобразном подведении итогов минувших лет:

- родина была жестока с героиней («вот Бог, а вот — порог»);
- у героини противоречивый характер и отходчивая душа («я сама всему виною»; «ещё душа моя светла»; «я не умела долго помнить зла»);
- родине одиноко, и героиня возвращается («спешу я, под собой не чуя ног»);
- на родине героиню встречают литературные льстецы и конформисты («сладкозвучнее сирены те, кто мне был когда-то в душу вхож»; Хомутов «точит на меня свой ржавый нож»);
- на родине остались только печальные воды реки, могила матери («слезою вспять седой Яик течёт»; «над могилой мамы — звёзд мерцанье»);
- «всё остальное, право же, не в счёт».

Будучи во многом жёсткой в оценках, героиня стихотворений Кан, в конечном счёте, всегда оказывается участливой и отзывчивой. Подобно матери, она как бы «удочеряет-усыновляет» своих прежних соперников и даже, условно говоря, «старших братьев» и «сестёр». Так бывает в лихолетье, когда дети остаются одни и кто-то из них принимает на себя бремя общих забот.

Это скрытое, по штрихам только угадываемое «материнство» — существеннейшая черта поздней лирики поэтессы («самое женское в мире занятие — хлебные крошки сметать со стола»; «детские слёзы в подол собирать»). Оно объёмлет собою и суровые замечания, и ласку обиженному или маленькому (теперь уже — «маленькому» в сравнении с нею).

Лирическая героиня стремится покинуть олицетворённую малую родину («мой город степной на полынном просторе»), но при этом заботливо беспокоится:

*Не слишком ли быстро, однако, бегу?..
А вдруг ты однажды меня не догонишь —
На льду оскользнёшься, увязнешь в снегу,
Пургой захлебнёшься, бураном застонешь?..*

Мотив «ухода-возвращения» распространён в городской лирике у поэтов, покинувших отчий дом в деревне. У Кан знакомая тема развивается совершенно иначе: героиня оставляет «точку на карте» и уходит в огромные пределы страны — всей русской земли, не боясь потеряться в многолюдье и просторе. Потому что её внутренний, «экзистенциальный» рост уже не только равен «величине-высоте» города, но и превышает его: героиня жалеет свой прежний городской мир, который прославили её стихи. В свою очередь, тот сетует на неё, почти зеркально повторяя прошлое, когда юная поэтесса с горечью предьявляла ему свои упреки.

Заводя речь об Оренбурге, Кан выделяет в нём две очень важные удручающие черты, которые, пожалуй, характерны и для всей России: самовластное «ханство» и мелкотравчатое «хамство». Поэт для среды, пронизанной подобными приметам, — фигура неудобная и избыточная. Его внутренняя свобода в координатах чванства и мещанства будто уличает их носителей в ложном устройении собственной и окружающей жизни.

*О, как они едины в этот миг —
И хам, и хан, клеймящие поэта...
Увы, мой город, вовсе не из книг:
Мне довелось узнать однажды это!*

В оренбургских стихах Кан почти всегда обращается к родным местам не иначе как «мой город» и жалеет его, как живое, страдающее существо, зажатое в пыточных, раскалённых клещах «меж пошлым хамством и надменным ханством». Эти два ненавистных обстоятельства терзают отчий край из года в год, из века в век. Художник, не отрекаясь от горьких слов, «обнимает» родину своей затаённой любовью, растроганно говорит о ростках чистоты и искренности, которые видны в детях нового времени, продолжающих традиции «эпохи верности старинной»:

*Неплюевский кадетский корпус.
Весна. Присяга. Оренбург.*

*...Пусть честь и доблесть, и победа
Ведут по жизни сыновей.
И чепчики взмывают в небо
Искристой стайкой голубей.*

*Где светом радужным лучится
Душа воскресшая Христа...
Она, святая голубица,
Как Русь цветущая, чиста!*

Тут и достоинство кадетов, и чистота девичества («восторженный девичий возглас»), и скрытая мысль о хрустальных точках в пространстве России, в которых сохранена в качестве духовного идеала Святая Русь. Причём высота этого древнего русского понятия непререкаема и сопоставима с Христовой истиной («душа воскресшего Христа <...> как Русь цветущая, чиста»). А процветание родины напрямую связано с её «воскрешением», когда всё низкое в её облике будет отринуто и избыто.

Оренбург для Дианы Кан стал слепком с облика современной России. Детали этих мест вошли в душу автора одновременно с первыми стихами, накрепко связав её с той пядью земли, от которой началось глубокое, непрерывное вращение поэтессы в русскую культурную и духовную почву.

Она постоянно ведёт беседу со своим городом:

- «мой город степной на полынном просторе»;
- «мой город — мой данник и кровник, и брат»;
- «увы, мой город»;
- «мой город, как ты без меня»;
- «мой Оренбург, ну в чём ты виноват».

Перед нами — отношения близкие, когда стойкая душа способна преодолеть ссору и восстановить разорванные связи посредством собственной воли. В данном случае — воли художественной.

Когда речь заходит о Самаре, Москве ли, Питере, о современной России как таковой, гнев и нежность авторской

речи свидетельствуют, в первую очередь, о её родовых акцентах: разговор идёт между своими, о своём и ради своего. Всё остальное может быть только в качестве следствия этого «глубинного» диалога, в ходе которого выстраивается в частности и отношение к внешнему собеседнику, условно говоря, «несвоему». Между тем чаемая гармония внутренних взаимосвязей неизбежно приведёт к доброжелательности всех иных контактов. И здесь — отличие от распространённых сегодня поношений России, главный источник которых — восприятие её в качестве временно актуальной территории, но не родины, единственной и любимой, несмотря ни на что.

У Дианы Кан образ города всегда подразумевает его обитателей, хотя порой замещает их, отодвигая на второй, общий план, и «очеловечивается», вбирая в себя многие частные черты характеров. Сравнительно редко город превращается в отчётливые декорации, на фоне которых разыгрываются людские коллизии.

*Осенний выбор невелик...
Кто там лицом к стеклу приник,
Расплющив нос курносый?
Неужто это наша дочь
Наивно хочет нам помочь,
С окна стирая слёзы?*

*Она глядит, а мы идём...
Вон, мама под руку с дождём,
В обнимку с ветром папа.
И ветер, папин друг, вот-вот,
Сорвавши с папы, унесёт
Единственную шляпу.*

*Сорвёт с озябшей мамы шаль
(А маме шаль ничуть не жаль!)
И унесёт на небо.
А поутру её вернёт,
И шаль на город упадёт
Пушистым первым снегом.*

Только то, что связано с героиней, здесь может видоизменяться, подобно шали, превратившейся в утренний снег — все остальные образы привязаны к сюжету стихотворения. Они могут быть развёрнутыми, однако способности к метаморфозам у них нет. И этот небольшой смысловой штрих содержит скрытое указание на возможности героини влиять на пространства и явления.

Однако перед читателем — камерная картина. Как правило, Кан стремится к сценам протяжённым, многофигурным, разнонаправленным — по авторским акцентам, попутным репликам. Для неё важно ощущение большого пространства, из которого она может приходить в пространство малое и обживать его. Такое возвратное движение позволяет поэтессе сопрягать объективное и личное и воспринимать родную землю во всей её широте и узнаваемой конкретности.

В стихотворениях Дианы Кан самых разных лет то явно, то исподволь звучит тема первородства. Для нынешнего времени, когда рынок стремится представить нравственный закон как что-то умозрительное и искусственное, такое внимание поэтессы к понятию библейскому оказывается и охранительным по отношению к своей земле, и в какой-то степени наступательным — в координатах духа. По существу, эта тема связана с непрерывностью жизни, её смыслом и системой ценностей.

*В междуречье Самарки и Сока,
Своевольем своим знаменит,
Закалённый ветрами с востока,
Избоchась, гордый город стоит.*

*Задохнувшись в пути от удушья —
Так спешили! — Самарка и Сок,
Прибежавшие из Оренбуржья,
Вопрошают: «Ну, как ты, сынок?..»*

*Мрачно буркнет: «А вы что-то долго.
Да, к тому ж, обмельчали вконец.*

*Полноводная тётушка Волга
Мне отныне и мать, и отец.*

*Нет реки знаменитее Волги!
Рядом с ней буду я на виду.
И в предания, и в каталоги
Гордым городом волжским войду...»*

*Молча слушали горькие речи
Сок с Самаркою... В чём их вина?
Междуречье, моё междуречье:
Меж речами царит тишина.*

*Ну, а город у Волги склонился...
Сколь таких по Руси у неё,
Что родством достославным гордится,
Позабыв первородство своё.*

*Что с того, что давно он не молод?
Своевольем своим знаменит
Талым снегом умывшийся город,
Что у пристани волжской стоит.*

*Герб с козлом поместивший на знамя,
Европейские штили вознёс.
Азиатски горит куполами —
Тяжело удержаться от слёз!*

Перед читателем разворачивается сюжет почти житейский:

- отец-мать спешили к сыну;
- сын упрекнул их и отрёкся от родной крови;
- сын избрал в родители влиятельную фигуру;
- отец-мать онемели от печали;
- сын со временем постарел и отказался от вчерашней значительной родни;
- сын старается «прилепиться» к новой знатной персоне;
- у сына приметы прожитой жизни комичны и нелепы.

На примере действующих лиц автор практически дал картину современной России, пренебрегающей собственными корнями и достоинством, кланяющейся западному респектабельному миру. Свободно написанная история склоняется к народной сказке. И это приметы сознательно выбранной интонации — ненавязчивой, лишённой декларативности и дидактики и определённо сплетающейся с притчей, имеющей универсальное смысловое поле. Стихотворение геополитического ракурса, который дан простыми средствами. Поэтому поэтическое письмо Кан здесь заслуживает более пристального внимания.

Уже в самом начале сюжета поэтесса в четырёх строках представляет читателю характеристики города:

- географическую («в междуречье Самарки и Сока»);
- историческую («закалённый ветрами с востока»);
- по репутации («своевольем своим знаменит»);
- по реальному нраву («избочась, гордый город стоит»).

«Избочась» — чрезвычайно важная реальная черта города, отчасти показывающая и рассказчика, его угол зрения. Не отказываясь от собственного видения, Кан соединяет личное с общим, тем самым объективируя картину и олицетворённого героя. В результате портрет города не кажется частным «высказыванием» портретиста.

С теплотой воплощены в стихотворении образы рек Самарки и Сока. Будто оправдывая свою фамилию и биографию, поэтесса представляет их, «прибывавших из Оренбуржья», в виде хлопотливых любящих родителей, старомодных и простосердечных, потрясённых отречением сына («задохнувшись в пути от удушья — так спешили!»; «ну, как ты, сынок?»; «молча слушали горькие речи»; «в чём их вина?»).

В момент отказа потомка от кровных уз материнства и отцовства первый раз звучит подчёркнуто собственный голос автора: «Междуречье моё, междуречье: меж речами царит тишина». В этом приглушённом вздохе — молчание, павшее на землю после отречения сына от родителей; нравственное «отсутствие» родового звена-города в простран-

стве между реками; порушенное чувство преемственности поколений — беда сегодняшней России.

Впоследствии город, взявший себе родство «достопамятное», но не получивший предполагаемых выгод и «талым снегом умывшийся», начал присматриваться к иным вельможным именам, будто продолжая прежнее отречение и утверждая собственное «своеволие»: «европейские шпили вознёс» — «азиатски горит куполами». И заключительные строки автора — «тяжело удержаться от слёз» — как будто продиктованные взглядом на слепящие «купола», на самом деле — о горьком смехе сквозь слёзы: и от глупого, самочинного совмещения Запада с Востоком, и от глубокой печали, отсылающей современника к ветхозаветному рассказу о том, как первородство поменяли на чечевичную похлёбку.

Похожие отношения складываются у Кан с Москвой. Находя совершенно безжалостные слова, характеризующие столицу, забывшую о собственном высоком предназначении, автор подчас адресуется ей и сердечные строки. Это разговор на равных.

Способность Дианы Кан говорить о большом и малом содержательно позволяет ей охватывать самые разные стороны реальности. Вместе с тем в её стихах совершенно отсутствует избыточность деталей, что для многих современных авторов оказывается творческим тупиком, поскольку, по народной поговорке, «за деревьями леса не видно». И почти всегда личное отношение к предмету, событию, человеку в поэзии Кан выходит за рамки частного и становится художественным обобщением, в котором присутствует и автор, и какая-то высшая гармония: «Пусть я лгу... Но этот стих правдивей моего дыханья».

С пережжённой в душе отчаянностью лирическая героиня говорит о столице, жестокой к «приблудно-беспортошным»: «Таких, как я <...> смеясь, прицельно бьющая с носка». В её словах — горечь душевно-сильного художника из провинции, израненного в столкновениях с антагонистами — носителями московского гонора. В стихотворном изо-

бражении первопрестольная выглядит как вполне хищная территория, но именуется: «мать Москва». В свою очередь, старый имперский центр («батяня добрый Питер») предстаёт в виде неуклюжего подвыпившего разбойничка («хоть все бока поободрал-повытер»). Грубоватый папаша, который и прибить может для порядка, для почтения — «так это ж ты совсем не по злобе».

Примечательно, что Москва-мать тут как не родная, будто мачеха — рациональная и чёрствая. Питер — и простоват, и недалёк, но ему «от всей Руси земной поклон». Тогда как о нынешней столице, словно сквозь сжатые зубы: «А всё же хороша ты» — своего рода красота зла, душепагубная прелесть.

В этой семье Самара — золовка, красующаяся собой, усвоившая все порочные «столичные науки»: «Лупить с носка, чужие драть бока, с насюка двери открывать без стука». Однако упрёк лирической героини Самаре иного толка:

*Бравируя своей столичной спесью,
Не убоившись Бога и греха,
Ты к малым городам своим и весям,
Как мачеха, надменна и глуха.*

Самара оказывается очень похожей на Москву своим женским началом, нереализованным в должной полноте и доброте. И потому-то для Самары героиня находит слова беспощадные:

*Раскрашенная вся и расписная,
Как шлюха, от бровей и до пупа...
Да что сказать?
Столица запасная,
Как девка загулявшая, глупа.*

В стихотворении заметен отголосок сказочного сюжета о глупом отце, злой мачехе и тщеславной мачехиной дочке (несмотря на то, что золовка по старой родовой росписи — сестра мужа или жена сына). Главной положительной фигурой в подобном несчастливом семейном кругу становится идеальный образ столицы. Он сияет в надмирном пространстве, но в дей-

ствительности — увы! — только контрастно подсвечивает эгоизм и тщеславие современных российских «центров», на деле предавших своё предназначение: столицы — быть матерью городов русских, а запасной столицы — их родной сестрой.

Это — онтологическое чувство, только отчасти отражённое в авторской биографии и внешних предметах, в личном и социальном. Важнейшие соответствия в таком противостоянии не земные, а небесные. И главная горечь — от ужасающего несовпадения реального и Порученного Свыше.

В сознании героини Оренбург и Самара постоянно спорят, обладая собственными изъятиями и достоинствами. Точно так же вступают в противоречия Москва и Питер, столица и провинция. В фокусе судьбы поэтессы пространства, в которых ей довелось вступать в борения, сосредоточены в этих четырёх городах. Южный, азиатский Термез, где прошло детство, оказывается за пределами координат, в которых мыслится родина, лишь приметы прошлого иной раз заденут сердце. Но небольшие городки, станционные посёлки, как и скромные реки, во множестве текущие по русской земле, принимают от героини сочувствие и нежность. Они покорны, лишены глупого чванства и живут своей незначительной жизнью, которая становится фундаментом исторического существования России («девочка со станции Налейка»; «чудная станция с названием Пачелма»).

Вместе с тем в стихах Кан противостояние Оренбурга и Самары соединено с реками, которые их омывают.

*Внимает Волге — хороша! —
Седой Урал-соседушко...
Пусть вечно длится, не спеша,
Их ладная беседашка.*

Урал и Волга — союзницы героини, они принимают её в свои воды, в своё мистическое тело: «Я вброд Урал переходила, переплывала Волгу власть».

Тогда как города исторгают её, будто занозу: «Ждут — не дождутся, что уеду... Спасибо, вслух не говорят!»

«Самость» Самары отзывается и в речках-воложках, претендующих на звание главного истока великой реки. Но здесь поэтическая интонация теплеет и приобретает материнские оттенки, образ автора почти совпадает с образом «Волги — матушки родной».

*Ах, эти воложки! Галдят,
Стекая прямо с небушка.
Живой водицею поят
Самарский скусный хлебушко.*

*Одна другую вразной
Перекричать стараются...
И с Волгой — матушкой родной —
В объятиях сливаются.*

У реки есть течение и перемены её состояний, реки — протяжённые. Тогда как города — локальны и эгоистичны по своей сути. Героиня дышит воздухом всего огромного российского пространства, вдыхая его невероятную массу и выдыхая, будто возвращая её земле и воде. И потому в городе ей тесно, здесь дыхание затруднено. Поэзия Кан определённо отличается широтой пространств, в которых автор не гостит, а живёт («Я в реке живу, а не купаюсь», — говорит она в раннем стихотворении от лица русалки — существа воды). И это расширяет читательское понимание её лирической героини как существа земли: не стихии, но бескрайнего мира, в котором есть место и почве, и влаге речной. В отличие от города, граница которого заметна не только физически, но и духовно.

Развивая образ своеобразной Самары, Кан уходит от жёсткой инвективы и насыщает стихотворную речь мягкой иронией («всё у Самары — самое»; «в Самаре и скворец свистит громче, чем соловушка»). А затем ведёт беседу с неласковым городом по-житейски:

*Поговорим, родимая, «за жись»...
Ну, что опять насупилась, Самара?
Миришь-миришь и больше не дерись!*

Детская присказка подчёркивает горькую память, смягчённую добросердечностью героини. С печалью говорит она об «огненных зачистках» старой «деревянной лепоты», о новорусских домах, напоминающих «кичливо вставленные зубы». И замечательно точно роняет «очеловеченные» слова в адрес города-антагониста: «Всё молодисься?»

Олицетворение Самары в образе собеседницы с неровным характером даёт возможность Кан произнести и скрытое глубоко в душе:

*Мне не за что любить тебя, Самара!
А вот, поди ж ты — всё-таки люблю!*

И возникает абрис фигур двух соперниц, одна к другой — нетерпимых, но на мгновение чуть обнявшихся и уронивших взаимную слезу. В этом, очень женском, стихотворении поэта сознательно предстаёт как героиня с земной биографией: она словно подводит черту под частными коллизиями, отделяя их от противоборств духовных. И город теряет свою непомерную гордыню и обретает домашнее тепло и красоту («твой поныне несравненны стати и улочек пленителен изгиб»; «прильнешь к ногам то сквером, то бульваром»).

Иначе взаимоотношения художника и города предстают в сфере духа. Косная среда отторгает свободное парение мысли и слова, поэт здесь напоминает нищего изгоя. И всё же — в нём живут чувство собственного предназначения и способность не потеряться в земном распорядке.

*Эх, дородна матушка Самара!
Здесь в чести купеческий уют.
Матушке Самаре я не пара.
Нищим здесь, увь, не подают.*

*Для меня ты и такая — праздник!
За тебя хоть в омут, хоть в огонь.
Серебрят мороз — седой проказник —
Мне мою развёрстую ладонь.*

*Прячься за вуаль от взоров шалых...
Бог с тобою! Я не жду чудес,*

*Кутаясь в морозный полушалок
Выцветших простуженных небес.*

*Не вступлю с тобою в поединок...
Господи тебя благослови!
Служат мне подошвами ботинок
Мостовые стёртые твои!*

Тут отчётлив мессианский акцент, когда странник — пророк или певец — незаметен всем остальным, но и неподвластен им. Он способен видеть окружающее почти с высоты небес, тогда как его босая стопа сквозь стёртую уличную брусчатку соединяется с родной землёй. В душе у него нет соревновательности по отношению к городу: «кто — кого?» И его песня проникнута душевной щедростью и глубокой печалью.

Исчезает узкий, местный предмет спора — мифологический и творческий, и Самара через свои предместья поэтически соединяется с остальным земным пространством — традиционным, спокойным, по-семейному уютным.

*Судьбы драгоценный подарок —
Усталая Волга... За ней
Мерцает ночная Самара,
Как горсть самоцветных камней.*

*...Под пенью дремучей калитки,
Смирив душевную дрожь,
Беспечным младенцем с улыбкой
Небесной дремоты вдохнёшь.*

*Тот путь, что тобою был пройден,
Стал Млечным Путём, говорят...
А взгляд черноглазых смородин
Не есть ли твой истинный взгляд?*

Жёсткость многих строк Дианы Кан сочетается с мягкостью и примирением, которые адресованы тому же поэтическому персонажу. В отличие от живых литературных фигур, художественные характеристики которых почти графичны, разговор автора с городами обладает палитрой самых раз-

ных оттенков. Он часто возобновляется, отталкиваясь от одной обозначенной позиции, и не продолжает прежнюю поэтическую мысль одномерно, что во многих почвенных стихах сегодня стало, увы, дурным кликушеским правилом, но придаёт ранее сказанному объём — исторический, нравственный, личностный. Таковы темы Оренбурга и Самары, провинции и столицы.

Отзываясь о Москве конца 80-х годов почти с нежностью, Кан связывает образ весенней столицы с пробуждением собственного поэтического дара. Столица тех лет пока ещё хранила очарование своих маленьких улиц и отблески прежней доблести, давней святости, хотя уже близилась обманная перестроечные времена, а за ними — подлость и бесчеловечность 90-х. Но уже тогда в студентке, с восторгом взвизгивающей на цветущую возле университета майскую сирень, начало оформляться духовное правило, которое в более поздние годы окажется своего рода императивом стихотворений Дианы Кан: «Сквозь смуту, морок, маету цвести победным пятицветьем».

Жизнелюбие позволяет не вычёркивать из списков живых всякого оступившегося, упавшего в грязь и низость человека. Точно так же — город, в особенности если он — первопрестольная столица России, пусть и забывшая о собственном долге перед землёй русской и её народом.

*Глубинка русская, крепись!
Трудись, родная, дотемна.
Такая, знать, приспела жисть,
Что ты столице не нужна.*

*Задорно заголивши пуп,
Кокошник сдвинув набекрень,
С любимым залётным — люб, не люб! —
Ей нынче пировать не лень.*

*С любимым, как с любимым в пляс идёт,
Весельем чумовым зайдётся.
Поберегись, честной народ,
Ей всё равно, что грязь, что князь.*

*Москва, Москва, как та свинья,
Которой не до поросят,
Когда залётные князья
Её саму вовсю палят.*

Олицетворение городов и весей, окружающего пространства, рек, явлений — любимый поэтический троп Кан, которым она пользуется виртуозно. Однако подобное мастерство никогда не лежит на поверхности её стихотворения — оно спрятано внутрь его «художественного организма» и подтверждено естественной авторской интонацией, в которой печаль и сочувствие перекликаются с гневом и негодованием.

Примечательно, что тот порок, в который «упала» столица, соединён с чужаками — «залётными князьями». Низкопоклонство, доступность, беспамятство сердцевины страны фактически отодвигают как лишнее и незначительное всю почву — русскую землю, которая, собственно, и произвела на свет Москву. Отречение от своего рода здесь показано почти яростно, в сравнении с сюжетом стихотворения о гордом городе «в междуречье Самарки и Сока».

Обезумевшая, изо дня в день пирующая столица контрастно сопоставляется с «глубинкой» («трудись, родная, дотемна»). У Кан «глубинка» — «русская»; «родная»; терпеливая («крепись»). В ней видится некий духовный базальт, на котором стоит российское государство. Называя её русской и родной, поэтесса неявно обращается к первородству. Чувству, которое нуждается в утверждении и уважении, даётся единственно возможное имя.

Привычной задачей провинции издавна считалось сохранять связь с почвой и нравственный закон. Столица же призвана быть центром государства и опекать провинцию. Свой родовой долг «глубинка» исполняет — где лучше, где хуже. Древняя Москва же ныне от своего державного назначения почти отреклась. Хотя и в ней ещё остаются точки жизни и духа, однако они почти подпольны и факультативны. Не случайно Кан говорит о себе:

*Я — подданная русских захолустий.
И тем права пред Богом и людьми.
И приступаю провинциальной грусти
Моя любовь к отечеству сродни.*

*...Лицо слезой кровавой умываю,
Впадая временами в забытьё...
Но ни на что вовек не променяю
Божественное подданство своё.*

Её упрёк первопрестольной («когда я из глубинной дали кляну тебя, моя Москва») содержит властное требование хранить прошлое и вести родовую нить в будущее, то есть исполнить предназначенное (к слову, «предназначение» — одно из самых существенных понятий для Кан):

*Услышь! Но снова вранья стая
Обсела сорок сороков.
Услышь, оглохшая от грая,
Меня на рубеже веков.*

Подобные слова несутся к столице со всех концов отчей земли. «Сорвётся стаей соколиной <...> призыв о доблести былинной с воспламенённых уст» — уточним, уже не поэтессы, а проникновенного русского певца, образ которого угадывается в духовном абрисе собственно женского лица автора.

Перед нами — «не стон, не всхлип и не рыданье, не о пощаде жалкий торг», что закономерно могло бы исходить от провинции, униженной и ограбленной городом нуворишей. Но перефразированное наставление гениального полководца А.В. Суворова: «Я — русская! Какой восторг!» По статусу его должна бы озвучивать или хотя бы понимать о себе «моя Москва».

Это «из-под сердца восклицанье», произнесённое поэтессой с азиатским разрезом глаз, свидетельствует о многом: о единстве русской континентальной земли, о соседстве и сотрудничестве многих культур России; наконец, о самоопределении души и сердца Дианы Кан как художника.

Корпус её стихотворений о городах отличается стили-
вым разнообразием и лёгкостью речи, в которой содержатся
смыслы важнейшие, как правило, литературой проговарива-
емые весьма невнятно. Прозрачность личностной позиции,
эмоциональная широта и нравственная определённость по-
зволяют автору поддерживать редкую по искренности ин-
тонацию, которую узнаёт и ценит тонкий, умный читатель.
К тому же, её строки почти всегда диалогичны, что по ны-
нешним временам — свойство не частое. Оно сообщает сти-
хам подлинный литературный демократизм.

*Знай, скриви своим оралом.
Знай, шуриши своим пером
Между Волгой и Уралом,
Между Доном и Днепром.*

*Пусть меж Тигром и Ефратом
Сладко соловьи поют.
Нам с тобой туда не надо.
Мы с тобой сгодимся тут.*

*Утечёт рекой по древу
Серебро словес людских.
И степняцкие напевы
Укротят надменный стих.*

*А когда слова умолкнут,
Воцарится вновь покой
Меж Урал-рекой и Волгой,
Меж Днепром и Дон-рекой.*

*Потому что между речью
Свыше Господом дана
Православному наречью
Золотая тишина.*

Поэзия Дианы Кан неуклонно расширяет собственное
художественное пространство и свободу, становится лите-
ратурным явлением несомненным и, возможно, уникальным
для нашего сегодняшнего времени.

Об авторе этой книги

Кан Диана Елисеевна — поэтесса, автор книг: «Ви-
сокосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт»,
«Подданная русских захоластий», «Междуречье», «По-
куда говорю я о любви», «Обречённые на славу» — а
также многих публикаций в центральных и региональ-
ных изданиях России — всероссийских московских
журналах: «Наш современник» (Москва), «Москва»,
«Великоросс» (Москва), «Роман-журнал XXI век» (Мо-
сква), «Молодая гвардия» (Москва), «Сельская новь»
(Москва), «Работница» (Москва), «Голоса сердец» (Ба-
лашиха-Москва), «Московский вестник» (Москва),
«Мир женщины» (Москва), «Воин России» (Москва),
«Братина» (Москва) — московских и региональных га-
зетах: «День литературы», «Литературная газета», «Мо-
сковский железнодорожник», «Российский писатель»,
«Литературная Россия», «Завтра», «Российская зем-
ля», «Российские корейцы» (Москва), «Истоки» (Уфа),
«Оренбургская неделя» (Оренбург), «Омское время»
(Омск) и т.д.

Также стихи Дианы Кан печатались на страницах
региональных журналов: «Подъём» (Воронеж), «Сура»
(Пенза), «Странник» (Саранск), «Бельские просто-
ры» (Уфа), «Брега Тавриды» (Крым), «Гостинный двор»
(Оренбург), «Северо-Муйские огни» (Бурятия), «Си-
хотэ-Алинь» (Сахалин), «Оренбургский край» (Орен-
бург), «День и Ночь» (Красноярск), «Университетский

меридиан» (Оренбург), «Русская провинция» (Тверь), «Траектория творчества» (Калуга), «Приокские зори» (Тула), «Всерусский собор» (Санкт-Петербург), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Нижегородская провинция» (Саров), «Нижний Новгород», «Волжский проспект», «Вертикаль» (Нижний Новгород), «Звонница» (Белгород), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Кириллица» (Нижний Новгород), «Берега» (Калининград), «Земляки» (Нижний Новгород), «Литературный Омск» (Омск), «Арина» (Нижний Новгород), «Южная звезда» (Ставрополь), «Русское эхо» (Самара), «Дальний восток» (Хабаровск), «Север» (Петрозаводск), «Простор» (Алма-Ата, Казахстан), «Аргамак» (Татарстан), «Новый Енисейский литератор» (Красноярск), «Огни Кузбасса» (Кемерово) — в альманахе «Сургут», журнале «Берега» (Калининград) и многих других журналах России. Творчество Дианы Кан представлено на многих электронных сайтах: «Камертон», «Молоко», Парус», «Гостинный двор», «Русский Крест», «Русское Воскресение», «Русский писатель» и т.д. Стихи Дианы Кан включены в поэтические антологии: «Молитвы русских поэтов» (Москва), «Поэтический Олимп» (Москва), «Антология русской поэзии XX века» (Москва) и многие другие.

Окончила Московский госуниверситет им. М.В. Ломоносова и Высшие литературные курсы (ВЛК) Московского литературного института.

Член редакционных советов российских литературно-художественных и общественно-политических журналов: «Подъём» (Воронеж), «Арина» (Нижний Новгород), «Аргамак-Татарстан» (Казань), «Гостинный Двор» (Оренбург), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Новый енисейский литератор» (Красноярск), электронного журнала «Парус» (Москва) и многих других.

Дважды лауреат всероссийской ежегодной премии журнала «Наш современник» по итогам года (номинация поэзии). Лауреат всероссийской премии «Традиция» за серию публикаций стихов о России высокого гражданского звучания. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия» за книгу стихов «Междуречье». Лауреат Самарской областной губернской премии в области литературы. Лауреат премии журнала «Гостинный Двор». Лауреат Самарской региональной литературной премии «Русское эхо». Лауреат Самарской региональной поэтической премии им. Виктора Багрова. Лауреат Всероссийской литературной премии им. святого благоверного князя Александра Невского в номинации «Особая премия — Служение России» (Санкт-Петербург). Лауреат премии журнала «Аргамак-Татарстан». Лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Член Союза писателей России.

Содержание

<i>Марина Струкова. Стихия превращается в стихи</i>	3
«Не Самара, не Саранск...»	14
«Ракитов куст. Калинов мост...»	15
«И вновь мы устоим, когда, мечи попрятав...»	16
«Неприкаянно, неприкаянно...»	18
«Ну, какое же мне прощение?...»	20
Белгородский кисель	22
«Нам спасение с неба Принесший...»	24
«Куда от прошедшего деться?...»	25
«Осерчавшая выюга бранится...»	26
Вьюжная соната	28
«Пора отрешиться от чепухи...»	30
«Измельчали мы, измельчали...»	31
«На землю снизошел с небесной выси...»	32
«Коварной волей фотомастера...»	34
«Ты взахлёб с другими целовался...»	36
«Средь тёмной ночи, среди бела дня...»	37
«Когда заря запылала ало...»	38
«Ты говорил мне пустые слова...»	39
«Сбежавшая с картины Хокусаи...»	40
«Неуёмное сердечко уйми...»	41
«Пускай меня зовут последней стервой...»	42
«Уснул и не проснулся...»	43
«Вокруг твердят: ты сущий Лель!...»	44
«Ужель тебе к лицу твоя судьба...»	46
«По соседству с могучим бурьяном...»	47
«Когда на небе полная луна...»	48
«Да что же вдруг случилось с нами?...»	50

«Там, где вставали в полный рост хлеба...»	52
«Тот сказ до сих пор не прочитан...»	54
«Если женщина обмолвилась: «Ты мой!...»	56
«Блинный дух и дух былинный...»	58
«Спеша из ниоткуда в никуда »	60
«Медной горы хозяйка!...»	62
«Вновь одна на пристани стою...»	64
«Здесь время течёт иначе...»	65
«Царевщина, примай-ка на постой!...»	66
«Мой гений, ты умён и мил...»	68
«Событий смутных нам темно значенье...»	69
«Собирай, зима, котомку...»	70
«Если от горя народ обезножен...»	72
«А я хотела просто быть любимой...»	74
««Рус...» – читаю нынче на заборе...»	76
«Ты любимым таким ещё не был...»	78
«Пью за здоровье бывших мужей!...»	80
«Казалась вся из инея и льда...»	81
«Я запомню себя в заповедном забывчивом мае...»	82
Посвящение на книге	85
«Сладкими восславленная снами...»	86
«Спой обо мне, обманутая Тоска!...»	88
«Россия, Русь... А дальше многоточие...»	90
«Небритый, неприкаянный, уставший...»	91
«Караван-Сарайская – не райская!...»	92
«Я узнаю твой знаменитый зной...»	94
«Дом аспиранта МГУ...»	96
«Пока ещё ты славой не заласкан...»	98
«Да как же это, как же это вышло...»	99
«Ты долго по миру блукал...»	100
«Пуглив и странен...»	101
«Над рюмками взлетевшая бутылка ...»	102
«Январской вьюги чувственные стоны...»	104
«Ты, кого я высотой окрыляла...»	106
«Ликует Анталия. Нежится Ницца...»	107
«Что ты смотришь с надменной насмешкой...»	108

«Ныне и присно уже не приснится...».....	110
«Велика кобыла – воду возит...»	112
«Солнышки-подсолнушки...»	114
«Причёска «Полюби меня, Гагарин!»...».....	116
«Непогода за окном ярится...».....	118
«Вновь – аптека, улица, фонарь...»	119
«Покуда над Ольшанкою...»	120
«Когда хоронили Россию мою...»	122
«И ты называешь всё это судьбой...»	124
«На куриный переступ...»	126
«Негоже тебе, Русь, как бесприданнице...»	128
«С южным ветром встречается огненный ветер востока...»	130
«Когда я из глубинной дали...»	132
«Во первых строках моего письма...»	133
«О, Русь моя! Уже который год...»	134
Междуречье.....	136
«Почто, луна-подруга...»	140
«Вай, лукавый восточный базар...»	142
«Я не корю тебя, какой ты стала...»	144
«То полбеда: мигранты на базарах...»	145
«Мой Оренбург, ну в чём ты виноват?..»	146
«Скоро выпадет снег, и смиришься: надеяться нечего...»	148
«Ворчит, проснувшись по весне, Вазуза...»	150
«Цвёл над Россией маковый закат...».....	152
«Песню и плач переплавили и перепутали...»	154
«Прощай, моя юность! Отныне...»	156
«Мне в преддверии зимы...».....	157
«Осторожно вельможно светает...»	158
«Синеглазая беглянка...»	160
«Ой да ты ж моя древнёшенька...»	162
«В пламени российского пожара...»	164
«На кобылу всадницу променяв...»	165
«Не нужно ни роз, ни левкоев...»	166
«Загулял, однако...»	168

«Стою, озирая родные просторы...»	170
«Не похвалялся, едучи на рать...»	174
«Искришься-лучишься, как полная чарка...»	176
«Били воблой по столу...»	177
«Век серебряный. Сон золотой...»	178
««Прости меня!..» – кричу вдогонь...»	180
«Покуда брюзжало тайком диссидентство ...»	182
Загадка	183
«Глубинка русская, держись!..»	184
«Когда я, задыхаясь от бессилья...».....	185
«Восторженный девичий возглас...».	186
«Друг о друга лбами медными стукнулись...».....	187
«Богу – свечка. Чёрту – кочерга...».....	188
«Пылит ли зной, метёт ли снег...»	190
«Под плач ночной самарской вьюги...»	191
«Гостить гоже – отгащиваться тожно...»	192
«О, Россия моя, что случилось с тобой?..».....	194
«Надменной Волги кроткое лобзанье...»	196
«Он пел: «Мы наш, мы новый мир построим!..»...» .	198
«Дерут друг друга за грудки...»	199
«Кровавые рябины справа...»	200
«Ты всегда как будто снег на голову...».....	202
«Кто мы? Что мы? С кем мы? Где мы?..»	203
«Печальники и воины славянства!..».....	204
«Речушка, именем Светлынь...»	205
«Улица сутулится под ветром...»	206
«Москва, люблю твою сирень...».....	207
«Ромашка, кашка, пижма, девясил...»	208
<i>Вячеслав Лютый. Мать-и-Мачеха .....</i>	<i>210</i>
Об авторе этой книги.....	233

Литературно-художественное издание

Диана Елисеевна Кан

ЗВЁЗДЫ ОКЛИКАЯ

Стихи

Издание подготовлено издательством

«Русское эхо»

Самарской областной писательской организации

Адрес: 443001, г. Самара, ул. Самарская, 179,

телефон (846) 333-48-01

Подписано в печать 20.12.2014. Формат издания 84x108/₃₂.
Объем 12,6 печ.л + вкл. 0.84 печ.л. Гарнитура NewBaskervilleС .

Бумага мелованная. Печать офсетная. Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии ООО «Медиа-Книга»
443070, г. Самара, ул. Песчаная, 1; тел.: (846) 267-36-82
e-mail: izdatkniga@yandex.ru